

Виссаріонъ Бѣлинскій и Валеріанъ Майковъ.

I.

Если имѣютъ свою судьбу книги, то имѣютъ ее и писатели. И надо замѣтить, что судьба писателей подчасъ не менѣ поражаетъ своей странностью, чѣмъ судьба книгъ. Это, впрочемъ, понятно, такъ какъ судьба писателей, какъ таковыхъ, тѣсно связана съ судьбою ихъ сочиненій.

В. Г. Бѣлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, судьба которыхъ сложилась до послѣдней степени странно. Въ одномъ изъ его писемъ говорится о Герценѣ: «Если онъ лѣтъ въ десять напишетъ три-четыре томика, поплотнѣе и порядочнаго размѣра, онъ — большое имя въ нашей литературѣ и попадетъ не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина».

Такъ оно и случилось. Герценъ, дѣйствительно, попалъ и въ исторію литературы и въ «Исторію Карамзина», и при томъ въ эту послѣднюю (по цензурнымъ условіямъ) едва-ли не раньше, чѣмъ въ первую. Но то же произошло и съ самимъ Бѣлинскимъ: онъ «попалъ» въ обѣ эти исторіи. И это, разумѣется, очень хорошо: такому крупному историческому дѣятелю, какъ онъ, по праву принадлежитъ почетное мѣсто даже въ «Исторіи Карамзина», а не только въ исторіи русской литературы. Но плохо то, что «благодарное потомство» признало за нимъ это право, не давъ себѣ труда хорошенько понять на чемъ, собственно, оно основывается. «Благодарное потомство» проявило въ этомъ случаѣ излишнюю торопливость. Это съ нимъ не часто случается. Но зато, когда случается, то происходятъ удивительные курьезы.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить о тѣхъ, до смѣшного, вздорныхъ мнѣнійхъ, которыя высказывались, а отчасти даже теперь высказываются въ нашей литературѣ по поводу извѣстнаго увлеченія Бѣлинскаго философіей Гегеля¹⁾. Я не буду возвращаться здѣсь къ этому предмету. Укажу лишь на то, какъ странно понимаетъ «исторія литературы» значеніе и смыслъ эстетической теоріи Бѣлинскаго.

Покойный А. М. Скабичевскій съ большимъ негодованіемъ гово-

¹⁾ Объ этомъ см. мою статью „Бѣлинскій и дѣйствительность“ въ сборникѣ, издаваемомъ подъ псевдонимомъ Бельтова, „За двадцать лѣтъ“.

речь о тѣхъ «критикахъ оппортунистахъ» 50-хъ гг., которые «мало того, что забыли всѣ завѣты Бѣлинскаго, но пришли къ полному его отрицанію». Больше всего достается за это отъ Скабичевскаго А. В. Дружинину ¹⁾. Однако, когда рѣчь заходитъ объ отношеніи къ Бѣлинскому В. Майкова, то историкъ нашей новѣйшей литературы неожиданно поражаетъ насъ тѣмъ заявленіемъ, что «Бѣлинскій установилъ въ критикѣ принципъ «искусства для жизни», но этотъ принципъ въ статьяхъ великаго критика словно висѣлъ въ воздухѣ, такъ какъ въ эстетическихъ воззрѣніяхъ своихъ Бѣлинскій продолжалъ держаться старыхъ метафизическихъ теорій, не замѣчая, что онѣ по самому существу своему находились въ полномъ разладѣ съ новымъ принципомъ» ²⁾.

Старая метафизическія теоріи, это—все та-же философія Гегеля. А. М. Скабичевскій не подозреваетъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій совсѣмъ покинулъ точку зрѣнія Гегеля и перешелъ на точку зрѣнія Фейербаха ³⁾, ученіе котораго и легло въ основу его новаго взгляда на отношеніе искусства къ дѣйствительности. Когда впослѣдствіи Н. Г. Чернышевскій выступилъ со своей диссертацией «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», онъ явился систематическимъ и сознательнымъ продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго ⁴⁾. Но оставимъ это. Допустимъ, что Бѣлинскій продолжалъ держаться «старыхъ метафизическихъ теорій», и что вслѣдствіе этого, установленный имъ въ критикѣ принципъ «искусства для жизни», будучи лишень надежной теоретической основы «словно висѣлъ въ воздухѣ». Если мы примемъ въ соображеніе, что къ этому принципу и сводились, по мнѣнію Скабичевскаго, литературные «завѣты Бѣлинскаго», то сдѣлается совершенно непонятнымъ за что обрушился онъ на Дружинина и другихъ «критиковъ-оппортунистовъ» 60-хъ гг.? Большой ли грѣхъ совершили люди, позабывши тѣ завѣты, которые сводились къ принципу, «словно висѣвшему въ воздухѣ»? Плохо обоснованные принципы вполнѣ заслуживаютъ забвенія. Если кто здѣсь грѣшенъ, то, конечно, самъ Бѣлинскій, не давшій себѣ труда поставить свой принципъ на твердую почву. За чѣмъ же винить другихъ?

А. М. Скабичевскій—не орелъ; это теперь всякому извѣстно. И не стоило бы останавливаться на его сужденіи объ эстетической теоріи Бѣлинскаго, если бы оно составляло его частную собственность. Но въ томъ-то и дѣло, что Скабичевскій высказалъ здѣсь такой взглядъ, который издавна былъ очень распространенъ въ нашей литературѣ, хотя и видоизмѣнялся сообразно уму и образованію,

¹⁾ Исторія новѣйшей литературы. 3-ье изд. стр. 25—26.

²⁾ Тамъ-же, стр. 56—57.

³⁾ Объ увлеченіи Бѣлинскаго Фейербахомъ говорилъ, между прочимъ. Достоевскій еще въ началѣ 70-хъ гг. «Былъ тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда (въ эпоху сношеній Достоевскаго съ Бѣлинскимъ Г. П.) онъ очень склонялся—Фейербахъ». (Соч., т. X, стр. 162).

⁴⁾ Объ этомъ см. въ моей статьѣ о Бѣлинскомъ въ июньской книжкѣ «Соврем. Мира» за прошлый годъ.

раздѣлявшихъ его писателей. Не одинъ А. М. Скабичевскій думалъ, что за «неистовымъ Виссаріономъ» при всемъ удивительномъ благородствѣ его общественныхъ стремленій числится довольно много недоимокъ по части логики. Не даромъ же многіе изъ тѣхъ, которые были готовы признать его своимъ учителемъ, видѣли въ немъ только «великое сердце» и не замѣчали гениальнаго ума. Даже И. С. Тургеневъ, по своему весьма расположенный къ Бѣлинскому, и врядъ ли склонный ставить ему въ вину «метафизическій» характеръ его эстетической теоріи, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ о писателѣ, уже высказавшемъ почти все, что онъ могъ сказать и добровольно уступавшемъ свое мѣсто другому. Онъ даже называетъ этого другого, это былъ, по его словамъ, В. Н. Майковъ

Замѣтивъ, что Бѣлинскій сознательно ограничивалъ кругъ своей дѣятельности предѣлами литературной критики, онъ прибавляетъ: «Незадолго до смерти, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступило время сдѣлать новый шагъ, выйти изъ того тѣснаго круга; политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные; но самъ онъ себя уже устранялъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника — на В. Н. Майкова, брата поэта» ¹⁾.

Я думаю, что это свидѣтельство Тургенева не осталось безъ вліянія на Скабичевскомъ, который, именно, въ В. Н. Майковѣ видитъ лицо, уже при жизни нашего великаго критика, взявшееся за переработку эстетическихъ воззрѣній въ духѣ «положительнаго реального мышленія» ²⁾. Но Скабичевскій ограничивается тѣмъ, что противопоставляетъ «реальное мышленіе» Майкова «метафизическимъ» привычкамъ мысли Бѣлинскаго. А вотъ К. К. Арсеньевъ еще въ половинѣ 80-хъ гг. утверждалъ, что Бѣлинскій сдѣлалъ порядочныя заимствованія у В. Майкова. Такъ напр., Майковъ будто-бы раньше Бѣлинскаго призналъ, — по поводу выхода романа Герцена «Кто виноватъ», — законность «беллетристики», какъ «тенденціознаго творчества» ³⁾. Точно также Майковъ будто-бы «предвосхитилъ» мнѣніе о безсознательности творчества, часто высказываемаго въ наше время. Когда вышли «Критическіе опыты» В. Майкова, въ изданіи журнала «Пантеонъ литературы», (Спб., 1891 г.), мы опять услышали, что идеи Майкова повліяли и на Бѣлинскаго. Въ доказательство приводилась статья «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.», въ которой Бѣлинскій «доказываетъ права искусства на изображеніе неподкрашенной дѣйствительности» ⁴⁾. Выходило такъ, что до появленія критическихъ статей В. Майкова, Бѣлинскій считалъ искусство обязаннымъ подкрашивать дѣйствительность. Боги безсмертные! Кто имѣетъ хоть нѣкоторое понятіе о литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго, тотъ чувствуетъ до какой степени чу-

¹⁾ Соч., изд. А. Ф. Маркса, т. XII, стр. 31.

²⁾ Скабичевскій, назв. соч., стр. 156.

³⁾ «Вѣстн. Европы», 1886 г., апрѣль. Ст. К. К. Арсеньева: «Валеріанъ Майковъ», стр. 796.

⁴⁾ «Критическіе опыты», стр. XXXII—XXXIII, біографія В. Майкова.

довищно подобное утверждение. А кто знаетъ философскія идеи автора «Сущности христіанства», тотъ безъ труда убѣдится въ томъ, что въ своей статьѣ «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.» Бѣлинскій говорилъ о правахъ и о обязанностяхъ художественной литературы, держась Фейербахова ученія о дѣйствительности. Стало быть, спорить по этому поводу съ біографомъ В. Майкова нѣтъ никакой надобности. Мнѣнія, подобныя тому, которыя онъ здѣсь высказываетъ, интересны только съ одной стороны: самымъ фактомъ своего существованія они подтверждаютъ справедливость той, высказанной мною выше, мысли, что поправъ не только въ исторію русской литературы, но и въ «Исторію Карамзина», Бѣлинскій все-таки очень плохо оцѣненъ «благодарнымъ потомствомъ». И вотъ почему полезно будетъ теперь, по поводу его юбилея, рассмотреть какъ же относятся его литературные взгляды ко взглядамъ В. Майкова.

II.

Замѣчу прежде всего, что самъ В. Майковъ считалъ взгляды Бѣлинскаго плохо обоснованными, а себя призваннымъ правильно обосновать ихъ. Что-бы убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть его статью «А. В. Кольцовъ», интересную во многихъ отношеніяхъ.

Въ этой статьѣ Майковъ не называетъ Бѣлинскаго, но дѣлаетъ очень прозрачныя намеки на его критику. Онъ признаетъ, что она оказала русской литературѣ разнообразныя услуги. Главнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что она выражала горячія симпатіи къ новой школѣ искусства, т.-е. больше всего къ Гоголю. Но это не удовлетворяетъ Майкова. «Выражать симпатію и анализировать ее — двѣ вещи разныя и по сущности и по результатамъ. Само собою разумѣется, что ваша страсть укрѣпляется, если узнаетъ себя въ выраженіи страсти другого; но укрѣпляется она безсознательно, безотчетно: кто выразилъ ее сильнѣе, чѣмъ бы вы сами могли выразить, тотъ еще не оправдалъ, не осмыслилъ ея въ глазахъ людей съ совершенно иными потребностями и даже въ собственныхъ вашихъ глазахъ. Справедливо и то, что сильное выраженіе всякой мысли и всякаго чувства озадачиваетъ людей, не имѣющихъ возможности противопоставить ему такое же обнаруженіе своей мысли и своего чувства, особенно если первое имѣетъ на своей сторонѣ большинство и моду. Но рассчитывать на такой успѣхъ своей рѣчи — все равно, что полагаться на силу легкихъ и крѣпость груди. Мы даже готовы жалѣть о томъ, чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ»¹⁾.

Это довольно ясно. У Бѣлинскаго была симпатія къ новой школѣ искусства, но не было умѣнія анализировать эту свою симпатію; его сужденія остались необоснованными и усваивались читателями лишь безотчетно. Они были поддержаны модой и потому

¹⁾ Сочиненія, т. I. Кіевъ, 1901 г., стр. 8; «Отечественныя Записки», 1846 г., т. 49, отд. критики, стр. 7.

Бѣлинскій даже достоинъ сожалѣнія. Дальше Майковъ выражается еще рѣшительнѣе:

«Горе вамъ, если слово ваше разыгрываетъ въ публикѣ роль людской новинки, если оно, не оправданное собственными вашими доказательствами, приобретаетъ въ публикѣ силу авторитета! Выразить свое мнѣніе публично и не подкрѣпить его доводами, которые самъ находишь убѣдительными, уже значитъ выразить свое неуваженіе къ свободѣ мнѣній и претензію на диктаторство. Но за это рано или поздно всегда и приходится поплатиться горькимъ чувствомъ разочарованія»¹⁾.

Молодой критикъ допускаетъ, правда, что предполагаемый имъ диктаторъ «не только не добивался диктатуры, но даже, какъ часто бываетъ, отвергалъ благороднымъ сердцемъ» всякую мысль о ней. Но, во-первыхъ, эта благосклонная оговорка рѣзко противорѣчитъ тому, что на предыдущей страницѣ сказано тѣмъ же Майковымъ о претензіи на диктаторство: нельзя одновременно выражать такую претензію и отвергать «благороднымъ сердцемъ», т.-е. неліцемерно, всякую мысль о диктатурѣ. А во-вторыхъ, приговоръ, выносимый Майковымъ Бѣлинскому очень мало смягчится, даже если мы предположимъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ упрека въ претензіи на диктатуру. Положеніе Бѣлинскаго все-таки окажется однимъ изъ самыхъ незавидныхъ. Вотъ послушайте:

«Больно, должно быть, ему видѣть въ цѣломъ обществѣ такіе тощіе плоды своего слова... Еще больнѣе должно быть ему встрѣчать на каждомъ шагу безобразныя доктрины, развитыя изъ его же мыслей его же поклонниками, и все потому, что мысли эти оставлены имъ самимъ безъ развитія!»²⁾.

Тутъ мы возвращаемся, значитъ, къ точкѣ исхода: Бѣлинскій оставилъ свои мысли безъ надлежащаго развитія и отъ этого произошло много дурныхъ послѣдствій, между прочимъ, и для него самого. В. Майковъ чувствуетъ, что его сужденіе о критикѣ Бѣлинскаго тоже «оставлено безъ развитія», т.-е. ничѣмъ не обосновано. Онъ обѣщаетъ вскорѣ подробнѣе поговорить о послѣднихъ годахъ русской литературы вообще и русской критики въ особенности, а въ ожиданіи этого онъ считаетъ достаточнымъ, «если изъ всего сказаннаго убѣдятся читатели, что теперь только что пришла пора толковать о законахъ изящнаго»³⁾. И онъ принимается толковать о нихъ.

Толкуя о нихъ, онъ постоянно возвращается къ Бѣлинскому, котораго онъ попрежнему не называетъ. Прежде, чѣмъ разсматривать его доводы, полезно будетъ замѣтить вотъ что.

Выше я сказалъ, что взглядъ Скабичевскаго на отношеніе Майкова къ Бѣлинскому составилъ отчасти подѣ влияніемъ воспоминаній Тургенева. Можетъ быть, я выразился не совсѣмъ точно: воз-

¹⁾ Соч., т. I, стр. 8. «Отеч. Зап.», 1846 г., т. 49, отд. критики, стр. 7.

²⁾ Сочиненія, стр. 9. «Отеч. Зап.», тамъ же, стр. 8.

³⁾ См. тамъ же.

можно, что взглядъ этотъ составился раньше и только утвердился, когда Скабичевскій прочелъ названнаго воспоминанія. Но это неважно. Какъ бы тамъ ни было, а вліяніе Тургенева на Скабичевскаго, кажется мнѣ, въ этомъ случаѣ весьма вѣроятнымъ. И все-таки вліяніе это приходится признать только частнымъ, второстепеннымъ. Главное вліяніе принадлежало здѣсь, повидимому, самому Майкову. Дѣйствительно, Скабичевскій только повторяетъ въ слои «Исторіи новѣйшей литературы» то, что Майковъ сказалъ объ интересующемъ насъ здѣсь предметѣ еще въ 1846 году. Правда, Скабичевскій, какъ будто, лучше поясняетъ намъ, почему эстетическая Теорія Бѣлинскаго осталась необоснованной: онъ указываетъ на «метафизическія» привычки мысли знаменитаго критика. Однако, и то указаніе находится у самого Майкова.

Выходитъ, стало быть, что, по крайней мѣрѣ, въ исторію русской литературы Бѣлинскій попалъ съ тѣмъ аттестатомъ, который былъ выданъ ему однимъ изъ его противниковъ. Само по себѣ, такое явленіе отнюдь не представляетъ собою чего-нибудь небывалаго. Такъ, напримѣръ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что очень многіе русскіе писатели войдутъ въ «Пантеонъ литературы» именно съ тѣми аттестатами, которые выдалъ имъ Бѣлинскій, возставъ противъ преувеличенныхъ похвалъ, посылавшихся по ихъ адресу прежними критиками. Дѣло не въ томъ, кому принадлежитъ данный отзывъ о данномъ писателѣ, а въ томъ, соотвѣтствуетъ ли онъ дѣйствительному значенію этого писателя. Но отзывъ В. Майкова о критикѣ Бѣлинскаго именно не соотвѣтствуетъ ея дѣйствительной стоимости. И нельзя не пожалѣть, что этого не замѣтили повторявшіе его историки нашей литературы.

III.

Теперь переходимъ къ разсужденіямъ В. Майкова объ изящномъ. Онъ спрашиваетъ себя: въ чемъ сущность поэтическаго и не поэтическаго содержанія? Въ отвѣтъ, который онъ даетъ на этотъ вопросъ содержится новый выпадъ противъ Бѣлинскаго. Онъ пишетъ:

«Для насъ недостаточно уже то блѣдное опредѣленіе, по которому изящное созданіе есть выраженіе мысли въ живой формѣ; такимъ образомъ опредѣляется всякая дѣйствительность: вся вселенная въ своей совокупности, такъ же, какъ и малѣйшая часть ея, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ выраженіе мысли въ формѣ. И всякое человѣческое сознаніе, всякое человѣческое дѣйствіе можетъ быть опредѣлено такимъ же образомъ. Напримѣръ, что такое наука, какъ не проведеніе извѣстной идеи по всѣмъ ступенямъ ея развитія, въ дѣйствительности, по формѣ. Мало того: всякое предпріятіе, всякій актъ дѣятельности подходитъ подъ это опредѣленіе. Поэтому-то критики, употребляющіе его для объясненія сущности изящнаго созданія, болѣею частью къ слову форма прибавляютъ прилагательное художественная. Но такъ какъ этотъ эпитетъ и остается эпитетомъ, свидѣтельствующимъ только о темномъ предчувствіи какого-то

отличія художественной дѣйствительности отъ дѣйствительности простой, непосредственной, то вопросъ и возвращается въ самого себя»¹⁾.

Майковъ вообще не расположенъ къ германской идеалистической философіи. Его считаютъ, хотя и безъ достаточнаго основанія, послѣдователемъ Огюста Конта. Но въ своей критикѣ тѣхъ эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, которые были заимствованы у германскихъ идеалистовъ, Майковъ самъ становится на идеалистическую точку зрѣнія. Онъ утверждаетъ, что вся вселенная, равно какъ и каждая малѣйшая часть ея, есть «выраженіе мысли въ формѣ». Ему представлялось, должно быть, что, признавъ это положеніе,—которое не разъ повторялъ Бѣлинскій, когда былъ идеалистомъ,—онъ съ тѣмъ большей легкостью обнаружитъ слабую сторону идеалистической эстетики. Но при этомъ обнаружилось только то, что самъ онъ плохо вдумался въ содержаніе разбираемой имъ теоріи. Съ идеалистической точки зрѣнія, вся природа есть, въ самомъ дѣлѣ, ничто иное, какъ воплощеніе идеи «въ формѣ». Это такъ. Но этимъ еще не уничтожается различіе между явленіями природы, съ одной стороны, и изящными произведеніями, какъ «выраженіями мысли въ живой формѣ»,—съ другой. Бѣлинскій²⁾ очень хорошо выяснилъ это, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 40-хъ гг. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ М. Лермонтова, онъ писалъ:

«Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы, или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключаютъ въ себѣ всѣ общія, родовыя примѣты цѣлаго ряда явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода, и потому-то мы говоримъ: этотъ человѣкъ настоящій Отелло, эта дѣвушка совершенная Офелія... И поэтому въ искусствѣ дѣйствительность больше похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности,—и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были, а исторической романъ Вальтеръ-Скотта, въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны въ извѣстную эпоху, достовѣрнѣе всякой исторіи. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы, возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое»³⁾.

¹⁾ Соч., т. I, стр. 31.

²⁾ Точнѣе: еще въ концѣ 30-хъ г. Такъ, въ статьѣ, посвященной фонъ-Визину и Загоскину и напечатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 г., онъ, слѣдуя за нѣмецкимъ эстетикомъ Рётшеромъ, доказываетъ, что „всякое явленіе есть мысль въ формѣ“; а поэзія и философія представляютъ собою отраженіе мірового процесса развитія „единой вѣчной идеи“ въ человѣческомъ мышленіи. Причемъ поэзія есть мышленіе въ образахъ, а философія—логическое мышленіе въ собственномъ смыслѣ слова. Это такъ ясно, что для недоразумѣній, казалось-бы, нѣтъ мѣста (см. соч. Бѣлинскаго, изд. V, т. II, стр. 303 и слѣд.).

³⁾ Сочиненія. Москва, 1883 г., т. IV, стр. 269 и 270.

Этотъ взглядъ можно, конечно, оспаривать, какъ и всякій другой. Но совсѣмъ нельзя сказать, что онъ страдаетъ блѣдностью. Нѣтъ, вполне опредѣленный самъ по себѣ, онъ выраженъ съ достаточной яркостью. И онъ вполне удовлетворительно объясняетъ почему «къ слову форма прибавляютъ прилагательное художественная»: по той простой причинѣ, что, согласно этому взгляду, одно дѣло форма вообще, а другое дѣло художественная форма.

Своимъ различіемъ формы вообще отъ художественной формы, взглядъ этотъ опредѣляетъ сущность этой послѣдней. Поэтому совершенно напрасно Майковъ изображаетъ это различіе, какъ свидѣтельство «о темномъ предчувствіи како-го-то отличія художественной дѣйствительности отъ дѣйствительности простой, непосредственной», вмѣсто темнаго предчувствія передъ нами здѣсь ясно сознаваемая мысль ¹⁾. Далѣе. Наука имѣетъ дѣло не съ формой явленій, а съ ихъ законсообразностью. Это опять хорошо выяснилъ тотъ-же Бѣлинскій. Поэтому Майковъ совершенно напрасно ссылается здѣсь на науку. Наконецъ, совсѣмъ уже странно утверждать, что подъ данное Бѣлинскимъ опредѣленіе художественнаго произведенія подходитъ «всякое предпріятіе, всякій актъ дѣятельности». Однородно ли, на примѣръ, основаніе данной акціонерной компании съ созданіемъ «типическихъ образовъ»?

В. Майковъ продолжаетъ: «Другое дѣло писать и спорить о художественной идеѣ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ есть о чемъ подумать: здѣсь опытъ, факты наводятъ на существованіе различія. Голая мысль ученаго и живая мысль художника — двѣ силы существенно различныя» ²⁾.

Но какъ разъ это и говорилъ Бѣлинскій, опредѣляя отличіе дѣятельности художника отъ дѣятельности мыслителя. По словамъ Майкова, для пониманія этого отличія нужно только сравнить, на-

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ, собственно, не о художественныхъ идеяхъ, и объ идеяхъ конкретныхъ. „Художественное произведеніе есть органическое выраженіе конкретной мысли въ конкретной формѣ. Конкретная идея есть полная, всѣ свои стороны обнимающая, вполне себѣ равная, и вполне себя выражающая, истинная и абсолютная идея, — и только конкретная идея можетъ воплотиться въ конкретную, художественную форму. Мысль, въ художественномъ произведеніи, должна быть конкретно слита съ формой, т.-е. составлять съ ней одно, теряться, исчезать въ ней, проникать ее всю“ (соч., т. II, стр. 309). Впослѣдствіи, отвергнувъ „абсолютную“ сторону Гегелевой философіи, онъ значительно уменьшилъ свою требовательность по отношенію къ конкретной идеѣ, т.-е. пересталъ думать, что она непременно должна охватывать всѣ стороны предмета. Но и тогда остался неизмѣннымъ его взглядъ на то, какое значеніе имѣетъ конкретное явленіе въ художественномъ произведеніи и чѣмъ отличается философія отъ искусства. неизмѣннымъ сохранилъ онъ этотъ взглядъ даже перейдя отъ Гегеля къ Фейербаху. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.“ онъ писалъ: „Видятъ, что искусство и наука не одно и то-же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ — образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же“ (т. XI, стр. 369).

²⁾ Соч., т. I, стр. 31. „Отч. Зап.“, тамъ-же, стр. 23.

примѣръ, идею научно-историческаго изслѣдованія съ идеей историческаго романа. «Научно-образная исторія... должна составлять цѣпь причинъ и слѣдствій, одинъ безконечный силлогизмъ: а силлогизмъ — первый врагъ и антиподъ искусства. Художникъ, предположившій соединить живую форму съ правильнымъ логическимъ доказательствомъ отвлеченной мысли, создаетъ аллегорію — нелѣпую и незаконную помѣсь науки и искусства, равно-ничтожную и въ дидактическомъ, и въ эстетическомъ отношеніи» ¹⁾. Это неоспоримая истина. Но эту неоспоримую истину Бѣлинскій неумоимо повторялъ и выяснялъ въ своихъ статьяхъ каждый разъ, когда у него заходила рѣчь о теоріи искусства ²⁾. Странно было указывать ему на нее, какъ на нѣчто новое, оставшееся неизвѣстнымъ ему, вслѣдствіе мнимой неясности его эстетической теоріи.

Интереснѣе всего то, что самъ В. Майковъ увидѣлъ себя вынужденнымъ повторять то, «блѣдное опредѣленіе» изящнаго произведенія, которое давалъ Бѣлинскій, и которое оспаривалось имъ, Майковымъ, какъ совсѣмъ несостоятельное. Въ статьѣ о «Матильдѣ» Эжена Сю онъ считаетъ заслугой этого писателя выраженіе правильнаго взгляда на происхожденіе человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ. «Сю выразилъ эту мысль — неожиданно прибавляетъ онъ — какъ поэтъ, не доказательно, но пластически» ³⁾. Зачѣмъ же было огородъ городить.

IV.

Недавно г. Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чехихинъ) утверждалъ, что «Майковъ пытался глубже объяснить то «мысленіе образами», на которое Бѣлинскій указывалъ, какъ на сущность художественнаго творчества» ⁴⁾. Майковъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ такое намѣреніе. Посмотримъ, однако, удалось-ли ему осуществить его.

Майковъ говоритъ: «Положительный признакъ художественной идеи заключается въ томъ, что она можетъ быть не только понята, но и прочувствована» ⁵⁾. Нѣсколько ниже онъ такъ выражаетъ этотъ же взглядъ: «Чистая мысль есть выводъ послѣдствій изъ аксіомы или, по крайней мѣрѣ, изъ того, что тотъ или другой принимаетъ за несомнѣнное; художественная мысль — ничто иное,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 33. „Отч. Зап.“, стр. 24.

²⁾ Одинъ изъ очень многихъ примѣровъ: „Поэзія есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія — воплотившіяся идеи, видимыя, созерцаемая идея... Поэтъ мыслить образами; онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее... Поэту представляются образы, а не идея, которой онъ изъ-за образовъ не видитъ, и которая, когда сочиненіе готово, доступна мыслителю, нежели самому творцу.“ (Соч. В. Г. Бѣлинскаго, т. III, стр. 343).

³⁾ Соч., т. I, стр. 229.

⁴⁾ Въ статьѣ „Сороковые годы“, напечатанной въ „Исторіи Русской Литературы XIX в.“, изд. подъ ред. Д. Н. Овсянникова-Куликовскаго. Вып. 8, стр. 173.

⁵⁾ Соч., т. I, стр. 35; „Отч. Зап.“, стр. 26
Май.

какъ чувство тожества, чувство общенія какой бы то ни было дѣйствительности съ человѣкомъ»¹⁾.

Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ передъ собою сущность эстетической теории В. Майкова, то не полѣнимся ознакомиться съ другими ея формулировками... «Претендовать на объясненіе самого процесса зачатія и выраженія художественной мысли,—говоритъ онъ,—значило бы имѣть притязаніе на познаніе сущности творческой фантазіи. Впрочемъ, зачѣмъ намъ и знать болѣе? Довольно если эстетическій опытъ позволяетъ намъ заключить, что художественная мысль зарождается въ формѣ любви или негодованія, и что тайна творчества состоитъ въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны. Иными словами, художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)»²⁾.

Наконецъ, Майковъ употребляетъ выраженіе: «очеловѣченіе дѣйствительности», которое надо признать не менѣе удачной формулировкой его взгляда на отличительный характеръ художественнаго творчества.

Возьмите взглядъ Майкова въ какой-угодно изъ этихъ формулировокъ. Если вы отнесетесь къ нему съ нѣкоторымъ вниманіемъ, вы безъ труда замѣтите, что онъ не твердо стоитъ на теоретическихъ ногахъ!

Художественное творчество пересоздаетъ дѣйствительность, возводя ея формы, «въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)». Хорошо. Что-же такое художникъ? Отвѣтъ ясенъ: художникъ отличается отъ обыкновеннаго человѣка тѣмъ, что умѣетъ возводить формы дѣйствительности въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію). Прекрасно! Теперь сузимъ вопросъ: что такое поэтъ, чѣмъ отличается онъ отъ обыкновеннаго смертнаго? Отвѣтъ опять ясенъ: поэтъ отличается отъ обыкновеннаго человѣка тѣмъ, что умѣетъ возводить формы дѣйствительности въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію), т. е. тѣмъ, что онъ поэтъ. Другими словами. Поэтъ есть поэтъ. Что-же это такое? Простая тавтологія. Можно-ли съ помощью тавтологіи дополнить какую-бы то ни было теорію? Предоставляю отвѣтить на этотъ вопросъ г. Ч. Вѣтринскому. Иное дѣло сочувственное (или несочувственное) отношеніе къ тому или иному явленію въ природѣ или въ общественной жизни людей, а иное дѣло художественное изображеніе этого явленія. Не всякій тотъ, кто «любитъ» или «негодуетъ», способенъ быть поэтомъ. Любовь (или негодованіе) можетъ быть условіемъ возникновенія художественной мысли—это, вѣроятно, и хотѣлъ сказать Майковъ, говоря: «художественная мысль зарождается въ формѣ любви или негодованія»,—но и любовь и негодованіе еще не художественная мысль. Майковъ

смѣшалъ два понятія, которыя необходимо отличать одно отъ другого. То же самое смѣшеніе замѣчается и тамъ, гдѣ онъ, подчеркивая свои слова, утверждаетъ, что тайна творчества состоитъ въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны. Далеко не всѣ тѣ люди, которые симпатизируютъ данной дѣйствительности, способны дать ея вѣрное изображеніе. Это признавалъ, какъ видно, и самъ Майковъ: не даромъ-же онъ говорилъ, что тайна творчества состоитъ въ способности дать «вѣрное» изображеніе. Но какое понятіе связывается въ данномъ случаѣ съ прилагательнымъ: «вѣрное?» То самое, которое у Бѣлинскаго связывается съ прилагательнымъ: «художественное». Выходитъ, что тайна (художественнаго) творчества состоитъ въ способности художественно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны. Но весь вопросъ въ томъ и заключается, что значить здѣсь художественное (или вѣрное) ея изображеніе? Стало бытъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою: во первыхъ, уже знакомую намъ тавтологію (тайна художественнаго творчества состоитъ въ способности художественно изображать дѣйствительность), во-вторыхъ, указаніе на одно изъ психологическихъ условій художественнаго творчества—симпатическое отношеніе къ изображаемой дѣйствительности. Чтобы пояснить это, призовемъ на помощь того самаго Бѣлинскаго, эстетическую теорію котораго Майковъ пытался дополнить, а вѣрнѣе—замѣнить съ помощью своего ученія «о тайнѣ творчества». Бѣлинскій говоритъ:

«Политико-экономъ, вооружась статистическими числами, доказывается, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружась живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, показываетъ въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой—картинами»¹⁾.

Художникъ убѣждаетъ съ помощью живыхъ образовъ, а ученый съ помощью логики. Но, убѣждая насъ съ помощью живыхъ образовъ, художникъ можетъ точно также сочувствовать изображаемой имъ сторонѣ дѣйствительности, или возмущаться ею, какъ и ученый. Стало бытъ, указаніе на симпатію не выдѣляетъ отличительной черты интересующаго насъ здѣсь процесса (художественнаго творчества), а, напротивъ, затемняетъ ее, выдвигая на первый планъ ту черту, которая свойственна этому процессу вмѣстѣ съ другимъ, ему противоположнымъ.

Бѣлинскій былъ совершенно чуждъ такой ошибки. Онъ какъ нельзя болѣе ярко изобразилъ отличительную черту художественнаго «мышленія». Но Майковъ приписалъ ее своему знаме-

1) Тамъ-же, стр. 36 и 27.

2) Тамъ-же, стр. 38: «Отгеч. Зап.», стр. 28. Курсивъ автора.

1) Соч., т. 11, стр. 369.

нитому предшественнику и для того, чтобы поправить его промахъ самъ ее сдѣлалъ.

V.

Тѣ, которые читали В. Майкова,—такихъ теперь, къ сожалѣнію, мало,—возразятъ мнѣ, пожалуй, что отличительнымъ признакомъ ученаго онъ считалъ безразличное отношеніе къ фактамъ, подлежащимъ его изслѣдованію. Въ доказательство они могутъ сослаться на слѣдующія строки изъ той-же статьи о Кольцовѣ. «Какъ истинный, надежный химикъ не будетъ питать особеннаго предпочтенія къ тому или другому химическому процессу, такъ и настоящій историкъ, человѣкъ, рожденный ни для чего иного, какъ для того, чтобы писать исторію, не воспитаетъ въ сердцѣ своемъ исключительной любви къ той или другой эпохѣ, къ тому или другому человѣческому обществу,—развѣ только въ силу сознанія того, что каждому ученому необходимо ограничить сферу своихъ изслѣдованій сообразно съ размѣрами данныхъ ему природой способностей, но, во всякомъ случаѣ, безъ притязанія на безусловное и объективное основаніе такой исключительности»¹⁾.

Соображенія, высказанныя въ этихъ строкахъ, не свидѣтельствуютъ въ пользу основательности теоріи Майкова по той причинѣ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Сошлюсь на великихъ французскихъ ученыхъ, эпохи реставраціи, совершившихъ цѣлый переворотъ въ исторической наукѣ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ между ними, Огюстэнъ Тьери, писалъ въ «*Censeur Européen*» въ 1818 году:

«Кто изъ насъ слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленное искусство и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и сохраняютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безошадно попирали завоеватели. Мы всѣмъ обязаны имъ... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьяхъ и о дѣйствіяхъ своихъ господъ. Только тридцать лѣтъ тому назадъ мы вспомнили, что наши отцы составляли тогдѣ, что было совершено ими. Мы были патриотами и забывали тѣхъ, которые въ теченіе четырнадцати вѣковъ воздѣлывали почву нашего отечества, которую такъ часто опустошали другія руки»²⁾.

Какъ видите, Огюстэнъ Тьери съ величайшей симпатіей относится къ третьему сословію. Ему даже въ голову не приходитъ спро-

сить себя о «безусловномъ основаніи» этого чувства. Ему вполне достаточно того, что оно у него имѣется. Онъ повинуется ему и, повинувшись ему, дѣлаетъ свои открытія. Именно оно, это чувство, заставило его взглянуть на исторію Франціи съ точки зрѣнія третьяго сословія; именно оно побудило его предпринять тѣ работы, которыя, будучи дополнены работами его ученыхъ единомышленниковъ, движимыхъ тою же самою симпатіей, сдѣлали цѣлый переворотъ въ исторической наукѣ. Этотъ неоспоримый фактъ показываетъ, что очень ошибся Майковъ, воображивъ, будто настоящій историкъ «не воспитаетъ въ сердцѣ своемъ исключительной любви къ той или другой эпохѣ». Огюстэнъ Тьери и его ученые единомышленники именно воспитали въ сердцѣ своемъ исключительную любовь къ эпохѣ,—точнѣе: къ эпохамъ,—освободительной борьбы третьяго сословія. Тьери утверждалъ, что движеніе народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію представляетъ собою болѣе величественное зрѣлище, чѣмъ походы завоевателей, а бѣдствія народа трогательнѣе, нежели бѣдствія королей, утратившихъ свои престолы. И онъ захотѣлъ описать бѣдствія народа, изобразить его движеніе. Симпатія Ог. Тьери опредѣлила собою его научную задачу и поставила его на новую точку зрѣнія въ наукѣ.

В. Майковъ, повидимому, самъ чувствовалъ, что ходячее представленіе о «безпристрастіи» ученаго не состоятельно. Онъ писалъ: «Мы вполне допускаемъ въ историкѣ такую же сильную, жиздительную страсть къ своему дѣлу, какъ и во всякомъ ученомъ, не превращающемся въ главы и параграфы издаваемыхъ имъ сочиненій»¹⁾.

Однако, допущеніе это не облегчало, а скорѣе затрудняло для него истинное пониманіе дѣла потому, что само основывалось на слѣдующемъ недоразумѣніи.

«Такъ какъ сущность всякой исторіи составляетъ развитіе жизни,—писалъ онъ,—то все обиліе любви у настоящаго историка изливается въ сочувствіи этому признаку всего живого. Онъ любитъ въ историческихъ фактахъ не ихъ самихъ, а взаимное ихъ отношеніе, ихъ послѣдовательность, обнаруживающую постепенное развитіе жизни, которая ими обозначаетъ свое движеніе во времени и пространствѣ. Въ силу этой обширной, многообъемлющей страсти, онъ не можетъ подчиниться мелкому историческому пристрастію къ избранному эпохамъ и событіямъ: первая сила диаметрально противоположна послѣдней. Каждая изъ нихъ отрицательно можетъ быть опредѣлена отсутствіемъ другой»²⁾.

Это можно было написать, только не зная исторіи общественныхъ наукъ. Примѣръ Тьери и его единомышленниковъ показалъ намъ, что ученые, безусловно заслуживающіе названія настоящихъ, вовсе не лишены пристрастія къ избранному ими эпохамъ. И тотъ же примѣръ показываетъ, что въ такомъ пристрастіи нѣтъ ничего «мелкаго»... если только не «мелки» тѣ эпохи и событія, которыя

¹⁾ Соч., т. I, стр. 32.

²⁾ Тамъ же, стр. 32.

¹⁾ Соч., т. I, стр. 32

²⁾ Oeuvres, p. 59.

служать его предметомъ. Интересъ «къ развитію жизни» вовсе не поглощаетъ собою «обилія любви у настоящаго историка»; первая «сила» вовсе не противоположна второй.

Кстати, о «противоположности». Ошибка Майкова прямо противоположна той, которую сдѣлали вполѣдствіи наши социологи субъективной школы. Онъ думалъ, что «настоящій историкъ» чувствуетъ только развитію жизни, независимо отъ вопроса о томъ, въ какомъ направленіи она развивается. Социологи субъективисты утверждали, что въ глазахъ ученаго, чуждаго жалкой, цеховой ограниченности, все дѣло именно въ направленіи развитія. Одинъ не находилъ въ душѣ ученаго мѣста для пристрастія; другіе полагали, что пристрастіе составляетъ основу социологии. Въ дѣйствительности, силой, двигающей социолога, служитъ несомнѣнно пристрастіе (см. выше примѣръ Тьери); а пристрастіе, въ свою очередь, опредѣляется общественнымъ положеніемъ ученаго, т.-е. принадлежностью его къ тому или другому великому общественному классу (см. примѣръ того же Тьери). Такъ объективныя отношенія обусловливаютъ собою субъективныя стремленія. Такъ бытіе опредѣляетъ собою сознание. Этого не понималъ Майковъ; этого не понимали субъективные социологи. Это стало ясно лишь съ точки зрѣнія историческаго матеріализма.

VI.

Перехожу теперь къ тому, что называется у Майкова «очеловѣченіемъ» дѣйствительности.

Мы уже знаемъ, что принимаясь за критику эстетической теоріи Бѣлинскаго, онъ самъ сталъ на точку зрѣнія тогдашняго идеализма. А съ точки зрѣнія этого идеализма дѣло представляется такъ. Природа есть инобытіе духа, который есть разумъ. Въ лицѣ ученаго, познающаго природу, разумъ познаетъ, стало быть, самого себя. Поэтому мы не только имѣемъ право, а обязаны рядомъ съ формулой Майкова написать свою собственную, ей подобную.

Формула Майкова гласитъ: «Художественная мысль—не что иное, какъ чувство тождества, чувство общенія какой бы то ни было дѣйствительности съ человѣкомъ».

А наша формула будетъ гласить: «Научная мысль—не что иное, какъ чувство тождества, чувство общенія человѣка съ какой бы то ни было дѣйствительностью».

Сказать: «мысль—не что иное, какъ чувство», значитъ совершить грѣхъ смѣшенія понятій. Обѣ эти формулы, очевидно, грѣшатъ такимъ грѣхомъ. И я совсѣмъ не намѣренъ защищать ихъ съ этой стороны. Но, отвлекаясь отъ этого грѣха, свойственнаго обѣимъ формуламъ, мы должны признать, что вторая настолько же правильна или неправильна, какъ и первая. Въ основѣ каждой изъ нихъ лежитъ указаніе на «чувство тождества, чувство общенія» субъекта (художника или ученаго) съ объектомъ (съ художественно

воспроизводимой или изучаемой дѣйствительностью). Но вторая формула относится къ научной дѣятельности, а первая къ художественному творчеству. Стало быть, каждая изъ нихъ затемняетъ отличительную черту характеризуемаго ею процесса, вмѣсто того, чтобы освѣщать ее. Другими словами, здѣсь повторяется та, уже хорошо знакомая намъ, ошибка, которую совершалъ Майковъ, незаслуженно обвиняя въ ней Бѣлинскаго. Да оно и не удивительно, потому что у Майкова въ различныхъ формулировкахъ выражается одна и та же мысль. Но удивительно то, что указанная мною ошибка сдѣлана человѣкомъ, который самъ писалъ: «каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себя все единственно по сравненію съ самимъ собою». В. Майковъ считалъ это аксіомой: «истина эта стара,—говоритъ онъ,—и потому мы не будемъ ее доказывать». Но, вѣдь, эта истина гласитъ только то, что человѣкъ все «очеловѣчиваетъ» не только тамъ, гдѣ онъ занимается художественной дѣятельностью, но и тамъ, гдѣ онъ познаетъ и объясняетъ, т.-е. въ наукѣ. Какъ же можно было указывать на «очеловѣченіе», какъ на отличительный признакъ художественной дѣятельности?

Не лишенная интереса подробность! Указавъ на общеизвѣстность той истины, что человѣкъ все познаетъ единственно по сравненію съ самимъ собою, т.-е. все очеловѣчиваетъ, Майковъ добавляетъ, что истину эту не худо припоминать время отъ времени, «по крайней мѣрѣ всякій разъ, когда представляется необходимость объяснить себя какой-нибудь антропологическій фактъ, иначе — прощай логика!»¹⁾

Онъ позабылъ объ этой истинѣ, принимаясь поправлять Бѣлинскаго, и потому съ нимъ самимъ простилаась логика.

VII.

Но если человѣкъ все очеловѣчиваетъ, то какой смыслъ имѣетъ то положеніе, заимствованное Бѣлинскимъ у великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ, что литература есть выраженіе народнаго самосознанія?

Между прочимъ тотъ, что въ каждую данную эпоху литература каждаго даннаго народа показываетъ намъ какимъ образомъ онъ «очеловѣчиваетъ» дѣйствительность. Но то, что онъ ее очеловѣчиваетъ непремѣнно заключается въ указанномъ положеніи, вѣрнѣе сказать, представляетъ то же самое положеніе, но только разсматриваемое подъ другимъ угломъ.

Скажемъ иначе. Въ литературѣ выражается бытѣ народа, его взгляды, чувства и стремленія. А изъ этого слѣдуетъ, что въ литературѣ каждаго даннаго времени выражается «симпатическое» отношеніе народа къ данной дѣйствительности. Другими словами: литература каждаго даннаго народа возводитъ современную ему дѣйствительность въ міръ его интересовъ, стало быть, оказывается, что теорія Бѣлинскаго заключаетъ въ себѣ, какъ необходимый выводъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 22.

изъ ея основного положенія, ту идею, съ помощью которой Майковъ вздумалъ обосновать эту самую теорію. Но разница въ томъ, что въ теоріи Бѣлинскаго эта идея занимаетъ свое надлежащее мѣсто, сохраняетъ правильные размѣры, а въ ученіи Майкова она до нельзя преувеличивается и выдается за ключъ къ раскрытію такихъ тайнъ, которыхъ она совсѣмъ не раскрываетъ. *Das ist eine alte Geschichte doch bleibt sie immer neu.*¹⁾ Съ Бѣлинскимъ произошло здѣсь то, что на нашихъ глазахъ совершилось съ Марксомъ.

Когда Э. Бернштейнъ «критикуетъ» Маркса, онъ исходитъ изъ того, вполне правильного, положенія, что необходимо двигать впередъ социалистическую теорію. Когда В. Майковъ «критиковалъ» Бѣлинскаго, онъ совершенно правильно думалъ, что необходимо разрабатывать дальше теорію эстетики. Но правильность точки исхода не обезпечила успѣха ни тому, ни другому. Почему-же это? Потому ли что оба они были лишены всякаго дарованія? Нѣтъ! Бернштейнъ, разумѣется, не весьма даровитый человѣкъ. Объ этомъ нечего и разговаривать. Но пока онъ не принимался за свою «критику» Маркса, онъ былъ полезнымъ работникомъ въ социаль-демократической литературѣ. Нѣкоторыя его статьи изъ этого періода до сихъ поръ не мѣшаютъ перечитывать. Плохо пошла его работа именно съ тѣхъ поръ, когда его кольнулъ своимъ рогомъ бѣсъ критики. Что же касается В. Майкова, то невозможно никакое сомнѣніе въ его даровитости. Въ этомъ легко убѣдиться, ознакомившись съ его сочиненіями. Недаромъ всѣ тѣ люди «сороковыхъ годовъ», которымъ случалось говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, почти восторженно отзываются объ его статьяхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Такъ О. М. Достоевскій, въ статьѣ «Г.—Бовъ и вопросъ объ искусствѣ» говоритъ: «Сейчасъ послѣ Бѣлинскаго занялся въ «Отечественныхъ запискахъ» отдѣломъ критики Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта, Апполона Николаевича Майкова. Валеріанъ Майковъ принялся за дѣло горячо, блистательно, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться. Много общала эта прекрасная личность и, можетъ быть, многого мы съ нею лишились». ²⁾ И. С. Тургеневъ, считавшій В. Майкова вполне способнымъ замѣнить Бѣлинскаго, очевидно, тоже имѣлъ очень высокое мнѣніе объ его дарованіи. И все-таки неоспоримо, что критическое выступленіе Майкова противъ Бѣлинскаго было до крайности неудачно. Въ чемъ же тутъ дѣло? Неужели есть такіе люди, критики которыхъ заранѣе осуждены на неудачу? Конечно, нѣтъ! Такихъ людей никогда не было, никогда и не будетъ. Критика—очень почтенное и, говоря вообще, полезное, плодотворное дѣло. Но за нее, какъ и за всякое другое почтенное дѣло, надо браться умѣючи. Принимаясь за критику, надо знать кого критикуешь.

¹⁾ Это старая, но вѣчно новая исторія.

²⁾ Соч., т. X, стр. 45.

Если я критикую, положимъ, г. Иванова-Разумника, ознаменовавшаго свое земное существованіе лишь весьма многочисленными и совершенно непростительными ошибками въ области исторіи русской общественной мысли, то мое дѣло будетъ съ успѣхомъ окончено, разъ я обнаружу эти ошибки. Земное существованіе подобныхъ писателей имѣетъ чисто-отрицательное значеніе: они показываютъ своимъ товарищамъ по перу, какъ не надо писать. Поэтому и приговоры, выносимые имъ критикой, могутъ имѣть только отрицательный характеръ. Совсѣмъ не то, когда я критикую взгляды человѣка, труды котораго сдѣлали эпоху въ извѣстной области литературы или науки. Такъ какъ эти труды имѣютъ положительное значеніе, то и моя критика ихъ содержанія должна имѣть, по преимуществу, положительный характеръ. Мнѣ надо, прежде всего, понять въ чемъ состоитъ переворотъ, совершенный разбираемымъ мною авторомъ; въ чемъ заключаются новыя истины, внесенныя имъ въ сокровищницу мысли. Только уяснивъ себѣ положительное значеніе критикуемаго писателя, я могу открыть его слабыя стороны. Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ окажется, что наличность такихъ сторонъ обусловливается нѣкоторой его непоследовательностью. Онъ открылъ извѣстную истину или даже цѣлый рядъ истинъ. Это составляетъ его славу. Но онъ—сынъ своего времени, отчасти раздѣляющій ошибочные взгляды своихъ современниковъ. И эти ошибочные взгляды мѣшаютъ ему надлежащимъ образомъ использовать для науки свое собственное открытіе (или открытія). И поскольку это бываетъ такъ, постольку онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Если мнѣ посчастливится вскрыть его противорѣчіе съ самимъ собою; если мнѣ удастся полиѣе использовать открытую имъ истину, нежели сдѣлалъ это онъ самъ,—хотя бы только въ примѣненіи къ какому-нибудь частному вопросу,—то я прибрѣту право себя поздравить: моя критика окажется удачной. Примѣръ: въ своемъ качествѣ абсолютнаго идеалиста Гегель былъ невѣренъ своему собственному диалектическому методу, составлявшему душу его философіи. Выступить съ удачной критикой Гегеля, значитъ, обнаружить это противорѣчіе. Это и было сдѣлано лѣвымъ крыломъ его школы. Люди, принадлежавшіе къ этому крылу, имѣли право говорить, что они критикуютъ Гегеля. Остальные критики этого мыслителя возражали ему, обнаруживая тѣ слабыя стороны, которыя принадлежали не ему, а имъ самимъ. А потому, если они и критиковали кого-нибудь, то самихъ себя безъ своего, впрочемъ, вѣдома. Ихъ псевдо-критика толкала назадъ философскую мысль и потому лишена была прогрессивнаго значенія. Такъ было до тѣхъ поръ, пока идеализмъ Гегеля не изжилъ своего философскаго содержанія. Когда онъ изжилъ его, онъ уступилъ мѣсто матеріализму. Но и этотъ великій переворотъ совершился, благодаря философскимъ прибрѣтеніямъ, сдѣланнымъ Гегелемъ. Извѣстно, что онъ былъ сдѣланъ ученикомъ Гегеля—Фейербахомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что критиковать великаго мыслителя, значитъ развивать его собственную теорію. Понявъ это, мы нисколько не удивимся тому, что не удалась критика

Маркса, предпринятая Э. Бернштейномъ: Бернштейнъ не могъ развивать теорію Маркса, потому что недостаточно усвоилъ ее себѣ. Возражая ему, онъ не шелъ впередъ, а пятился назадъ, возвращался къ ученіямъ буржуазныхъ теоретиковъ. Оттого-то ему такъ громко рукоплескала буржуазія всѣхъ странъ.

Измѣняя то, что подлежить здѣсь измѣненію, надо сказать, что Майковъ относится къ Бѣлинскому, какъ Бернштейнъ къ Марксу: онъ принялся критиковать его эстетическую теорію, далеко не усвоивъ себѣ ея чрезвычайно богатаго содержанія. Отъ этого онъ сдѣлалъ промахи, благодаря которымъ его собственная эстетическая теорія оказалась совершенно несостоятельной.

VIШ.

Говоря это, я помню, что В. Майковъ умеръ очень молодымъ человѣкомъ. ¹⁾ Молодость объясняетъ собою многія частности въ его критическомъ походѣ противъ Бѣлинскаго. Однако, она и не объясняетъ и не оправдываетъ главной его ошибки: плохого пониманія того автора, котораго онъ вздумалъ критиковать. Н. А. Добролюбовъ тоже очень молодымъ сошелъ въ могилу. ²⁾ Однако, онъ хорошо понималъ, по крайней мѣрѣ, извѣстную сторону взглядовъ Бѣлинскаго, ³⁾ и именно это хорошее пониманіе извѣстной стороны взглядовъ Бѣлинскаго дало ему возможность хорошо выполнить свое большое литературное дѣло. Въ эпоху Добролюбова общественныя отношенія Россіи были, сравнительно, такъ мало развиты, что подвергаться дальнѣйшей разработкѣ могла только одна, — только просвѣтительная, а не діалектическая сторона взглядовъ Бѣлинскаго; но разработка этой стороны была тогда очень полезна. Кто разрабатывалъ ее, тотъ продолжалъ дѣло Бѣлинскаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, критиковалъ взглядъ этого послѣдняго, придавая болѣе стройный видъ просвѣтительскимъ элементамъ его міросозерцанія. Это было сдѣлано Н. Г. Чернышевскимъ и Н. А. Добролюбовымъ, но могло быть сдѣлано В. Н. Майковымъ. Въ лицѣ Майкова наша критика совершала не поступательное, а попятное движеніе.

Заслуживаетъ величайшаго вниманія огромная разница въ отношеніи къ Бѣлинскому Добролюбова и Чернышевскаго съ одной стороны, и Майкова — съ другой.

Когда началось въ 1859 году изданіе сочиненій Бѣлинскаго, Добролюбовъ съ восторгомъ привѣтствовалъ его. «Давно мы ждали его и, наконецъ, дождались! — восклицалъ онъ. — Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи, — тѣхъ

¹⁾ Онъ родился 28 августа 1823 г. и умеръ отъ удара во время купанья 15 июля 1847 г.

²⁾ Онъ родился 24 января 1836 г., а 17 января 1861 г. его уже не стало.

³⁾ Онъ хорошо понималъ Бѣлинскаго-просвѣтителя, не интересуясь діалектической стороной его взглядовъ.

минуть, когда мы полны были юношескихъ, безавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали посвятить себя самимъ такой дѣятельности... Россія еще мало знаетъ Бѣлинскаго... Многіе изъ читателей узнали его имя болѣе по статьямъ, писаннымъ о немъ уже послѣ его смерти. Но теперь, когда сочиненія его собраны и издаются, всѣмъ читателямъ представляется возможность болѣе узнать этого человѣка съ его взглядами и стремленіями, съ его вліяніемъ на всю нашу литературу послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Узнавши его, всѣ читатели убѣдятся, что многое, чѣмъ они восхищались у другихъ, принадлежитъ ему, вышло отъ него, — многія изъ истинъ, на которыя теперь опираются наши разсужденія, утверждены имъ, въ ожесточенной борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью, злонамѣренностью своихъ противниковъ, при сонной апатіи равнодушнаго общества... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу.» ¹⁾

Еще раньше Добролюбова, Чернышевскій, въ своихъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы», оговаривался, переходя къ Бѣлинскому, котораго онъ, страха ради цензурна, именовалъ «Критикой Гоголевскаго періода»: «Литературныя стремленія, одушевлявшія критику 1840—1847 годовъ или, какъ мы согласились называть, критику Гоголевскаго періода, кажутся намъ, какъ и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ настоящаго времени, вполне справедливыми; мы всѣ привязаны къ ней горячею любовью преданныхъ и благодарныхъ учениковъ. И если у каждаго изъ насъ есть предметы, столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣжать выражений, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, — если, говоримъ мы, у каждаго изъ насъ есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика Гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ самимъ Гоголемъ. Каждый любящій свою литературу и слѣдившій за ея развитіемъ признаетъ, что это «мы» относится и къ нему. Потому-то будемъ говорить о критикѣ Гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувства.» ²⁾

Чернышевскій говоритъ, что, не будучи слишкомъ щедримъ въ употребленіи эпитета гениальный, онъ, не колеблясь, называетъ Бѣ-

¹⁾ Сочиненія изд. 1871 г. Спб., т. II, стр. 565 и 566.

²⁾ Соч., изд. 1906 г., Спб. т. II, стр. 119—120

линскаго гениальнымъ человѣкомъ ¹⁾). По его мнѣнію, простота и ясность составляютъ самое замѣчательное качество гениальнаго ума. Гений всегда «берется за существенную сторону вопроса, отъ рѣшенія которой все зависитъ, а изъ всѣхъ вопросовъ опять берется за существеннѣйшій въ дѣлѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ пониманіе остальныхъ вопросовъ, потому-то и ясенъ для него каждый вопросъ, каждое дѣло.» ²⁾ Такими качествами ума обладала «критика Гоголевскаго періода», что и позволило ей провести «въ наше литературное сознание самую простую истину, нынѣ ясная, какъ свѣтлый день, для cadaго здравомыслящаго человѣка, значеніе которыхъ очень велико.» ³⁾

А Майковъ? Его статья о Кольцовѣ, заключавшая въ себѣ «критическія» выходки противъ Бѣлинскаго, не понравилась друзьямъ великаго писателя. Оправдываясь отъ ихъ упрековъ, Майковъ въ интересномъ письмѣ къ И. С. Тургеневу говоритъ, что не имѣлъ права считать себя пріятелемъ Бѣлинскаго, а потому и не нашелъ нужнымъ стѣсняться въ выраженіи своего взгляда на его дѣятельность. Это, по истинѣ, странный доводъ. О Бѣлинскомъ можно и должно было говорить въ другомъ тонѣ, вовсе не будучи его личнымъ пріятелемъ. Чернышевскій и Добролюбовъ никогда не имѣли съ нимъ личныхъ отношеній, а между тѣмъ они, какъ мы только что видѣли, говорили о немъ совсѣмъ другимъ языкомъ. Но тонъ все-таки дѣло второстепенное, хотя, въ данномъ случаѣ, совсѣмъ не безразличное. Важнѣе самый взглядъ на значеніе критики Бѣлинскаго. По этому поводу Майковъ оправдывается такъ:

«Что-же касается до самаго мнѣнія моего о критикѣ г. Бѣлинскаго, то я не думаю, чтобъ онъ самъ считалъ свои статьи доказательными: я никакъ не хотѣлъ сказать, да и не сказалъ, что онъ не умѣетъ доказывать своихъ убѣжденій; замѣчаніе мое ограничивается тѣмъ, что онъ не считаетъ это нужнымъ. Если въ выходкѣ о диктаторствѣ есть что нибудь жестокое, то я этому очень радъ, потому что диктаторствомъ Бѣлинскаго я самъ оскорблялся не разъ въ качествѣ читателя его статей. Уважая его за многое и многое, считаю его склонность къ диктаторству недостойною его остальныхъ свойствъ. Вы скажете, можетъ быть, что я не долженъ былъ упоминать о бездоказательной манерѣ Бѣлинскаго, потому что она вынуждается горячностью чувства, которая дѣйствуетъ на общество наше сильнѣе логики. Въ статьѣ своей я довольно ясно говорю даже о пользѣ того, что первая русская критика началась не теоріей, а живымъ приговоромъ эстетическаго чувства. Но все-таки я убѣжденъ, что бездоказательная, памфлетическая манера критики не можетъ быть долго полезна; доказательствами этого убѣжденія полна моя статья: если они плохи, такъ въ этомъ виновата моя логика, а не я. Сверхъ того замѣчу, что по самому предмету статьи я не

¹⁾ Тамъ же, стр. 122.

²⁾ Тамъ же, стр. 123.

³⁾ Тамъ же, та же стр.

могъ входить въ полную оцѣнку заслугъ Бѣлинскаго; я долженъ былъ упомянуть о его критикѣ единственно со стороны доказательности, а объ остальномъ было и неумѣстно говорить... Въ судѣ надъ его критикой не настоитъ еще никакой нужды, потому что я считаю его въ полной порѣ силы и не хуже другихъ понимаю, сколько пользы можетъ онъ еще оказать Россіи вообще, въ особенности-же всѣмъ пишущимъ и мнѣ первому» ¹⁾).

Тоже странно! И, какъ это довольно часто бываетъ у Майкова, не очень логично. Съ одной стороны, въ судѣ надъ критикой Бѣлинскаго «не настоитъ еще никакой нужды», а съ другой—ей выносится приговоръ, основанный на ея будто бы бездоказательности, неосновательности и «блѣдности». Приговоръ вынесенъ раньше суда. Что его вызвало? То обстоятельство, что, читая статьи Бѣлинскаго, Майковъ «оскорблялся не разъ» ихъ мнимо-диктаторскимъ тономъ. Какъ это не похоже на то чувство, которое вызвали статьи Бѣлинскаго у Чернышевскаго и Добролюбова! И могла-ли оскорбить Майкова та «наклонность», которой никогда не имѣлъ Бѣлинскій? Не было-ли тутъ недоразумѣнія? Очевидно—было. Майковъ принялъ за наклонность къ диктаторству горячую убѣжденность Бѣлинскаго и его рѣзко отрицательное отношеніе къ тому, что онъ считалъ вреднымъ для читателей заблужденіемъ. Если это недостатки, то надо сознаться, что неистовый Виссаріонъ обладалъ ими въ высшей степени. Но недостатки-ли это? А если даже и въ самомъ дѣлѣ недостатки, то не всѣ молодые люди «наклонны» замѣчать ихъ. Чернышевскій и Добролюбовъ не только ихъ не замѣтили, но наоборотъ, сами отличались ими. Статьи Бѣлинскаго не оскорбляли ихъ, а вызвали въ нихъ радостное волненіе богатствомъ своего идейнаго содержанія.

Майковъ подходилъ къ статьямъ Бѣлинскаго совсѣмъ съ другой стороны, нежели подошли къ нимъ послѣ него Чернышевскій и Добролюбовъ. Тѣхъ больше всего занимало ихъ содержаніе, а Майкова ихъ тонъ, о которомъ онъ судилъ съ точки зрѣнія своего читательскаго самолюбія, и который онъ осудилъ, вообразивъ это самолюбіе обиженнымъ. Когда читатель подходитъ къ писателю съ этой стороны, то онъ сильно рискуетъ не понять его. Это вѣрно во всякомъ случаѣ. А когда рѣчь идетъ о такомъ гениальномъ писателѣ, какъ Бѣлинскій, то читатель, подходящій къ нему съ указанной стороны, навѣрно, окажется въ положеніи того крыловскаго чудака, который «слона то и не примѣтилъ!» Это и произошло съ В. Майковымъ. Отсюда—полная неудача его критическаго выступленія противъ Бѣлинскаго. Но надо сказать и вотъ что. Такого большого человѣка, какъ Бѣлинскій вообще легче было не понять, чѣмъ понять. Я уже не говорю о тѣхъ, которые относились къ нему съ враждою и негодованіемъ, которые лгали и кле-

¹⁾ Письмо это воспроизведено въ только что вышедшей книгѣ С. Ашевскаго „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“ (стр. 100—101). Оно было напечатано также въ „Критич. Опытахъ“ Майкова

ветали на него. Этимъ самъ Богъ велѣлъ не понимать его. Но даже тѣ, которые уважали его и считали полезной его литературную дѣятельность, часто оставались слѣпыми по отношенію къ тому, что составляетъ самое главное содержаніе. Поэтому они спѣшили поправить и дополнить его взгляды, придать имъ «правильное основаніе» и т. п.

Говорятъ, что на Бѣлинскаго болѣзненно подѣйствовали «критическія» выступленія Майкова. Если это правда, то это значитъ, что онъ, по своей крайней скромности, не отдавалъ себѣ полного отчета въ огромномъ значеніи своего литературнаго дѣла. Иначе онъ заранѣе примирился-бы съ тою мыслью, что его плохо поймутъ даже многіе изъ тѣхъ, которые не откажутся признать его дѣятельность полезной для «Россіи вообще», а для нихъ самихъ (не понимающихъ его) въ особенности.

IX.

Я сказалъ, что В. Майковъ подходилъ къ Бѣлинскому съ такой стороны, съ которой трудно было замѣтить величіе знаменитаго критика. Но я-же сказалъ и то, что Майковъ, несомнѣнно, былъ даровитымъ человѣкомъ. Отчего-же онъ не имѣлъ «наклонности» подойти къ Бѣлинскому съ надлежащей стороны? Неужели оттого, что въ манерѣ его цѣликомъ было поглощено вопросомъ, не содержится ли въ тонѣ статей Бѣлинскаго чего-либо обиднаго для него, какъ для читателя? Этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, интересовалъ В. Майкова неизмѣримо больше, чѣмъ слѣдовало ¹⁾ Но мы все таки не имѣемъ основанія предполагать, что именно этотъ вопросъ помѣшалъ ему понять великаго критика русской земли. Это было-бы слишкомъ плохо. Дѣло объясняется инымъ, болѣе выгоднымъ для В. Майкова, образомъ. Онъ плохо понималъ Бѣлинскаго просто потому, что у него были совсѣмъ другія привычки мысли.

¹⁾ Нѣкоторые называютъ В. Майкова «близкимъ пріятелемъ Петрашевскаго (см. статью г. Александровскаго „Валеріанъ Майковъ и его литературная дѣятельность“, предпосланную кievскому изданію сочиненій В. Майкова, стр. XII). Я не знаю, насколько это вѣрно. Но Майковъ усердно работалъ для „Карманнаго словаря“ Кириллова, т.-е. собственно того-же Петрашевскаго. Это обстоятельство приводитъ на память слѣдующую Герценомъ характеристику Петрашевцевъ и ихъ друзей. „Кругъ этотъ составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, болѣзненные и поломанные. Въ ихъ числѣ не было ни кричащихъ бездарностей, ни пишущихъ безграмотностей—это явленія совсѣмъ другого времени—но въ нихъ было что то испорчено, повреждено.—Петрашевцы ринулись горячо и смѣло на дѣятельность и удивили всю Россію „Словаремъ иностранныхъ словъ“. Наслѣдники сильно возбужденной умственной дѣятельности сороковыхъ годовъ, они прямо изъ нѣмецкой философіи шли въ фалангу Фурье, въ послѣдователи Конта.—Окруженные дрянными и мелкими людьми, гордые вниманіемъ полиціи и сознаніемъ своего превосходства при самомъ выходѣ изъ школы, они слишкомъ дорого оцѣнили свой отрицательный подвигъ, или лучше свой подвигъ въ возможности. Отсюда безмѣрное самолюбіе. Не то здоровое, мо-

На этомъ не мѣшаетъ остановиться... У насъ нѣтъ данныхъ которыя позволили бы намъ составить себѣ точное представленіе о ходѣ умственнаго развитія В. Майкова. И, вѣроятно, ихъ никогда не будетъ. Этотъ, врядъ-ли пополнимый, недостатокъ данныхъ оставляетъ широкое поле для догадокъ. Но въ нашемъ распоряженіи все-таки имѣется такое количество матеріаловъ, котораго вполне довольно, чтобы рѣшительно отбросить, какъ нѣчто нелѣпое, большую часть высказанныхъ до сихъ поръ соображеній о философскихъ и общественныхъ взглядахъ Майкова.

Вотъ курьезнѣйшій образчикъ. Г. Александровскій увѣряетъ, что изъ нѣмецкихъ мыслителей на В. Майкова оказалъ наиболѣе сильное вліяніе... Марксъ! Онъ соглашается, правда, что недостатокъ біографическихъ данныхъ не даетъ возможности прослѣдить тѣ пути, по которымъ дошло до Майкова вліяніе Маркса, а также опредѣлить степень его силы: «но наличность его,—говоритъ онъ,—не подвергается никакому сомнѣнію» ¹⁾. Его даже удивляетъ, что она «почему-то обыкновенно упускается изъ виду послѣдователями, писавшими объ этомъ критикѣ». Что-же навело г. Александровскаго на мысль объ этой, въ нѣкоторомъ родѣ, свободной «наличности»?

Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на статью «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства», написанную В. Майковымъ еще на университетской скамьѣ, но появившуюся въ печати только въ 1891 г. Ссылается онъ также на замѣтку о книгѣ «О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи». Обратился сперва къ статьѣ.

«Черезъ всю эту статью юнаго экономиста,—повѣствуетъ г. Александровскій,—красной нитью проходитъ мысль, что экономическія отношенія между людьми господствуютъ надъ всѣми прочими въ жизни, что только послѣ урегулированія ихъ можно съ успѣхомъ ожидать реформъ въ другихъ сферахъ жизни. Такъ, напр., Майковъ считаетъ прямо бесполезными всякіе толки о просвѣщеніи рабочаго класса и усиленіи его политическаго значенія, пока не обезпечено его матеріальное благосостояніе: Такимъ образомъ, въ основу этого замѣчательнаго для того времени изслѣдованія Майкова положено ученіе объ экономическомъ матеріализмѣ, созданное Марксомъ, которому суждено въ наши дни сыграть громадную роль въ исторіи развитія западно-европейскаго и русскаго общества. Вотъ почему талантливо написанная, плѣняющая своей логической

дое самолюбіе, идущее юношѣ, мечтающему о великой будущности, идущее мужу въ полной силѣ и въ полной дѣятельности, не то, которое въ былыя времена заставляло людей совершать чудеса отваги, выносить цѣпи и смерть изъ желанія славы, но, напротивъ, самолюбіе болѣзненное, мѣшающее всякому дѣлу огромностью притязаній, раздражительное, обидчивое, самонадѣянное до дерзости и въ то же время неувѣренное въ себѣ». (соч., загр. изд., т. IX, стр. 140—141). Я думаю, что здѣсь многое преувеличено и многое вѣрно. И то что здѣсь вѣрно, хорошо объясняетъ, думается мнѣ, раздражительное, торопливо-„критическое“ отношеніе В. Майкова къ В. Бѣлинскому.

¹⁾ См. его вступительную статью, соч. В. Н. Майкова, т. I, стр. XI.

стройностью, раз-абатывающая въ духѣ господствующей въ наши дни экономической теоріи одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ, статья Майкова представляется какъ бы вчера написанной и потому съ большимъ интересомъ можетъ быть прочитана всякимъ»¹⁾.

Вліяніе Маркса на Майкова «не подвергается никакому сомнѣнію» потому, что Майковъ считалъ «прямо бесполезными толки о просвѣщеніи рабочаго класса и объ усиленіи его политическаго значенія». Но извѣстно, что Марксъ былъ, какъ нельзя болѣе, далекъ отъ такого взгляда; онъ считалъ такіе «толки» не только полезными, а «прямо» обязательными для людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія пролетаріата. Въ его публицистическихъ работахъ постоянно повторяются указанія на то, что рабочій классъ долженъ стремиться къ развитію своего самосознанія и къ приобрѣтенію политической власти. Можно-ли называть марксистомъ человѣка, считающаго прямо бесполезными объ эти задачи? А В. Майковъ, дѣйствительно, считалъ ихъ «бесполезными». Какъ смотрѣлъ онъ на пролетаріатъ покажутъ слѣдующія выписки изъ его, дѣйствительно, интересной статьи, такъ сильно сбившей съ толку г. Александровскаго.

Рѣчь идетъ объ «Умственномъ и нравственномъ образованіи работниковъ». В. Майковъ думаетъ, что умственное и нравственное образованіе безусловно важно для человѣка вообще, «но отнюдь не можетъ быть причислено къ средствамъ улучшенія участи рабочаго класса въ настоящее время», т.-е. въ обществѣ, основанномъ на наемномъ трудѣ. Ничтожность задѣльной платы вынуждаетъ рабочихъ отдавать своихъ дѣтей на фабрики для увеличенія своего дохода, вслѣдствіе чего молодое поколѣніе пролетаріата лишается всякой возможности учиться. Не лучше обстоитъ дѣло и съ нравственнымъ развитіемъ. Къ тому-же, нравственности нельзя выучиться. Нравственное чувство, подобно всякому другому, развивается не убѣжденіями, а условіями жизни. Въ современномъ-же обществѣ условія жизни дѣлаютъ нравственное развитіе совершенно недоступнымъ для работника. Это такъ доказывается у В. Н. Майкова:

«Быть нравственнымъ можетъ только тотъ, кто можетъ сознавать свое достоинство, кому доступна нѣкоторая гордость при мысли о своемъ положеніи въ обществѣ. Какъ же предположить все это въ томъ, кто знаетъ, кто знаетъ и чувствуетъ, что назначеніе его—механической трудъ, потребный до изобрѣтенія механизма, который сдѣлаетъ излишнимъ напряженіе его мускуловъ, что цѣль его вѣчныхъ усилій—растительное, безрадостное существованіе безъ всякой надежды лучшаго, даже безъ всякаго предвидѣнія отдыха? Какія начала могутъ сочетаться съ безличностью, съ мертвенной зависимостью отъ заколдованнаго круга неодолимыхъ условій, въ которыхъ брошенъ человѣкъ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, съ машинами и съ сырыми матеріалами?»²⁾.

1) Тамъ-же, стр. XXXI.

2) Соч., т. II, стр. 65

Анализируя нравственные «начала», создаваемая такой обстановкой, В. Майковъ приходитъ къ совсѣмъ уже безотрадному выводу. «Посреди ослѣпительной роскоши антрепренеровъ онъ (рабочій, Г. П.) постоянно питаетъ въ умѣ своемъ мысль о благахъ, въ которыхъ ему на вѣкъ отказано, постоянно воспаляетъ въ сердцѣ страсть къ стяжанію, страсть, которая, оставаясь безъ удовлетворенія, порождаетъ, наконецъ, горестное отчаяніе и превращаетъ человѣка въ бѣшенаго звѣря. Чтобы сдѣлаться исключеніемъ изъ этой толпы, надо родиться чуть-ли не героемъ»¹⁾.

Скажите, читатель, похожъ-ли этотъ взглядъ на взглядъ Маркса? Всякій видитъ, что совѣмъ не похожъ. Но, можетъ быть, не всякій помнитъ, какъ смотрѣлъ на тотъ-же предметъ БѢлинскій. Вотъ строки, способныя оживить воспоминаніе читателя.

Въ 1844 г. въ статьѣ, посвященной роману Эженя Сю «Парижскія Тайны», БѢлинскій, изобразивъ нравственное паденіе буржуазнаго общества и тяжелое экономическое положеніе пролетаріата, писалъ:

«Но искры добра еще не погасли во Франціи—онѣ только подъ пепломъ и ждуть благоприятнаго вѣтра, который превратилъ-бы ихъ въ яркое и чистое пламя. Народъ—дитя; но это дитя растетъ и общается сдѣлаться мужемъ, полнымъ силы и разума... Въ народѣ уже быстро развивается образованіе, и онъ уже имѣетъ своихъ поэтовъ, которые указываютъ ему его будущее, дѣла его страданія и не отдѣляясь отъ него ни одеждою, ни образомъ жизни. Онъ еще слабъ, но онъ одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ «образованнаго» общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: это люди, которые слили съ его судьбою свои обѣты и надежды, и которые добровольно отrekliсь отъ всякаго участія на рынкѣ власти и денегъ. Многіе изъ нихъ, пользуясь европейскою извѣстностью, какъ люди ученые и литераторы, имѣя всѣ средства стоять на первомъ планѣ конституціоннаго рынка, живутъ и трудятся въ добровольной и честной бѣдности. Ихъ добросовѣстный и энергическій голосъ страшень продавцамъ, покупщикамъ и акціонерамъ администраціи,—и этотъ голосъ, возвышаясь за бѣдный, обманутый народъ, раздается въ ухахъ административныхъ антрепренеровъ, какъ звукъ трубы судной»²⁾.

Этотъ взглядъ не только гораздо болѣе отраденъ, но и несравненно болѣе вѣренъ, нежели взглядъ Майкова. Правда, онъ грѣшилъ тѣмъ, что въ немъ, не отводилось вполне достаточнаго мѣста для самодѣятельности рабочаго класса и для нѣкоторыхъ необходимыхъ этому классу политическихъ приобрѣтеній, напр., свободы слова. Въ этомъ отношеніи БѢлинскій заплатилъ порядочную дань утопическому социализму. Но при всемъ томъ онъ, въ своихъ сужденіяхъ

1) Тамъ-же, та-же стр.

2) Соч., т. IX, стр. 15 и 16.

о развитіи самосознанія пролетаріата и объ его возможной роли въ буржуазномъ обществѣ, неизмѣримо ближе къ Марксу, нежели В. Майковъ.

Въ глазахъ г. Александровскаго является марксистомъ всякій тотъ, кто признаетъ преобладающее значеніе экономики. Но еще Сэнъ-Симонъ утверждалъ, что во всякой странѣ основной законъ есть тотъ, которымъ устанавливаются отношенія собственности. Значить-ли это, что и до Сэнъ-Симона достигнуто неизвѣстными намъ путями влияніе Маркса? Какъ думаетъ объ этомъ г. Александровскій ¹⁾?

Х.

Мысль, что законъ, устанавливающийъ собственность, имѣетъ основное значеніе во всякой странѣ, была признаваема всѣми, сколько-нибудь видными, социалистами-утопистами, и у Майкова была полная возможность усвоить ее себѣ, не обращаясь къ Марксу, который къ тому же и самъ не былъ еще «экономическимъ матеріалистомъ» въ то время, когда писалась статья: «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства»; напомнимъ, что статью эту Майковъ написалъ еще въ годы своего студенчества, а онъ окончилъ курсъ въ 1842 г.

Въ разборѣ брошюры Д. Д. Дмитріева: «О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи» (Спб., 1846 г.), В. Майковъ возстаетъ противъ той мысли «будто нравственное благосостояніе человѣка возможно при отсутствіи благосостоянія экономического, и будто бы первое служить основой послѣднему». Онъ называетъ эту мысль гибельной и говоритъ:

«По нашему мнѣнію, духовное образованіе не только бесполезно, но... какъ бы это сказать? — безпокойно для человѣка, не пользующагося другими условіями благосостоянія. Мы убѣждены, что просвѣщеніе ума усиливаетъ сознание тяжести всякихъ лишеній другого рода; мы убѣждены вопреки г. Д., что крестьянинъ тогда только и можетъ терпѣливо переносить эти лишенія, когда онъ безсознательно отправляетъ работу (которую онъ никакъ не можетъ называть своимъ промысломъ), когда закоренѣлые предрасудки невежества связываютъ его духовную природу, когда онъ бытомъ своимъ стѣсненъ въ способности мыслить, когда онъ находитъ въ винѣ средство заглушать просыпающуюся иногда природу съ ея грозными требованіями» ²⁾.

Далѣе, не сомнѣваясь, что сказанное имъ будетъ перетолковано въ томъ «остроумномъ» смыслѣ, будто, по его мнѣнію, русскіе кре-

¹⁾ Я только сейчасъ прочиталъ въ № 116 „Рѣчи“ объявленіе, гласящее, что книгоиздательство Б. К. Фукса, издавшее въ 1901 г. сочиненія В. Н. Майкова, выпускаетъ юбилейное изданіе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго съ критико-біографической статьей Г. В. Александровскаго. Воображаю, какъ будетъ эта статья!

²⁾ Соч., т. II, стр. 293

стьяне должны оставаться бессмысленными и безграмотными дикарями, онъ замѣчаетъ:

«Но мы, съ своей стороны, совершенно увѣрены, что никто не повѣритъ этимъ остроумнымъ анти-критикамъ и, прочитавъ нашъ краткій отзывъ о брошюрѣ г. Д., скажетъ вмѣстѣ съ нами, что благосостояніе народа не заключается въ удовлетвореніи одной потребности народа при неудовлетвореніи всѣхъ прочихъ, и что развить умъ человѣка, не позаботясь о томъ, чтобы онъ могъ трудиться сообразно съ своими нуждами не для чего иного, какъ для удовлетворенія ихъ, значить только пробудить въ немъ горестное сознаніе той истины, что потребности его не признаны...» ¹⁾.

Г. Александровскій думаетъ, что такія соображенія могъ высказать только послѣдователь Маркса. Но въ соображеніяхъ этихъ необходимо различать истинное отъ ошибочнаго. Заключающаяся въ нихъ доза истины сводится къ тому, что неправы были люди, содѣйствовавшіе сначала просвѣтить крестьянъ, а потомъ ихъ освободить, и что свобода представляетъ собою необходимое условіе успѣшности просвѣщенія. Впрочемъ, сюда надо прибавить еще и то правильное соображеніе, что образованному человѣку труднѣе нести иго крѣпостного права, чѣмъ необразованному. Но въ то время, когда Майковъ писалъ свою рецензію на брошюру Дмитріева, все это знали и, поскольку позволяла цензура, печатно повторяли всѣ противники крѣпостного права. Неужели же г. Александровскій думаетъ, что всѣ они были марксистами?

Высказывая свои правильныя соображенія, В. Майковъ придавалъ имъ, однако, такую форму, благодаря которой они отчасти превращались во вредныя заблужденія. Крѣпостной крестьянинъ тогда только и могъ терпѣливо переносить свою судьбу, когда закоренѣлые предрасудки невежества связывали его духовную природу. Такъ думалъ Майковъ. И онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ совершенно правъ. Но странно, что этому молодому писателю даже и въ голову, какъ видно, не приходило спросить крестьянина, какъ спрашивалъ впослѣдствіи Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи: «На Волгѣ»:

Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?

Если бы этотъ вопросъ пришелъ въ голову В. Майкову, то онъ можетъ быть, рѣшилъ бы, что не слѣдуетъ бояться «грозныхъ требованій», подсказываемыхъ крестьянину его человѣческой природой, стѣсняемой желѣзнымъ ошейникомъ крѣпостного права. А отсюда вышло бы, что самый вопросъ объ отношеніи просвѣтительныхъ задачъ къ экономическому быту народа рѣшается далеко не такъ просто, какъ это думалъ нашъ авторъ. Положимъ, что при тогдашнихъ русскихъ условіяхъ «грозныя требованія» человѣческой природы не привели бы крестьянина ни къ какому плодотворному

¹⁾ Тамъ же, стр. 294.

дѣйствіямъ соціально-политическаго характера. Положимъ также, что Майковъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Но и тогда логика, о правахъ которой такъ охотно распространялся Майковъ, дѣлала необходимымъ разсмотрѣніе того же вопроса въ его примѣненіи къ Западной Европѣ. Можетъ быть, оказалось бы, что тамъ, если не крестьянину, то пролетарію уже нѣтъ практической надобности терпѣливо нести свое ярмо. Можетъ быть, Майковъ убѣдился бы, что тамъ, на Западѣ, надо не заглушать, а усиливать грозныя требованія, такъ какъ тамъ они могутъ привести и приведутъ къ плодотворнымъ соціально-политическимъ дѣйствіямъ. Марксъ, подъ влияніемъ котораго будто бы находился В. Майковъ, рѣшалъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ: въ основу своей практической программы онъ положилъ то твердое убѣжденіе, что, живя въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства, рабочій классъ становится все менѣе и менѣе терпѣливымъ, а «природа» его все громче и громче предъявляетъ свои грозныя требованія. Есть ли въ сочиненіяхъ В. Майкова какой-нибудь намекъ на то, что и онъ возлагалъ свои упованія на ростъ требовательности западно-европейскаго пролетаріата?

Нѣтъ. Чтобы уповать на ростъ требовательности пролетаріата, надо было вѣрить въ развитіе его самосознанія. А мы уже видѣли, что онъ считалъ совершенно невозможнымъ въ нынѣшнемъ обществѣ не только развитіе пролетарскаго самосознанія, но даже и развитіе въ рабочемъ обыкновенныхъ нравственныхъ чувствъ. Мало того. Уповать на ростъ пролетарской требовательности—значило приурочивать свои упованія къ обостренію классово-борьбы. Но упованія В. Майкова приурочивались не къ борьбѣ классовъ, а совершенно наоборотъ, къ ихъ примиренію.

XI.

Нѣкоторая близость В. Майкова къ Петрашевскому доказывается дѣятельнымъ участіемъ его въ составленіи «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ». Эта близость даетъ поводъ предполагать въ немъ сочувствіе къ утопическому социализму, которымъ, въ большей или меньшей степени, увлекались всѣ петрашевцы. Но къ такому предположенію необходимо относиться съ большою осторожностью. В. Майковъ несомнѣнно очень интересовался социализмомъ своего времени и, по всей вѣроятности, недурно изучилъ сочиненія нѣкоторыхъ социалистическихъ писателей, напр., Фурье и Луи Блана. Вліяніе тогдашняго социализма сильно сказывается мѣстами въ его разсужденіяхъ. Тѣмъ не менѣе было-бы большою ошибкой считать его убѣжденнымъ послѣдователемъ какой-нибудь социалистической системы. Напротивъ, онъ относится къ социализму очень скептически, а вѣрнѣе сказать—отрицательно. Онъ совѣтуетъ читателямъ не обольщаться «обѣщаніями утопистовъ избавить общество отъ нужды». По его мнѣнію «нужда побуждаетъ человѣка къ развитію, заставляя

его напрягать свои силы и направлять ихъ къ удовлетворенію потребностей. Удалить изъ общества этотъ могучій рычагъ—значитъ погрузить его въ вѣчное усыпленіе». Не совѣтуетъ онъ вѣрить и другой «приманкѣ», выставяемой социалистами, и заключающейся «въ обѣщаніи всеобщей братской любви». Онъ считаетъ это обѣщаніе несбыточнымъ, и полагаетъ, что эгоизмъ всегда будетъ управлять дѣйствіями людей. Должно быть, это его убѣжденіе явилось однимъ изъ тѣхъ резонансовъ, въ силу которыхъ г. Александровскій объявилъ его марксистомъ. Но оставляя въ сторонѣ проницательнаго г. Александровскаго, я попрошу читателя замѣтить тотъ выводъ Майкова, «что въ результатъ своемъ всѣ до сихъ поръ предложенныя теоріи общественнаго устройства, должны привести людей къ страшной взаимной ненависти и дать эгоизму самое пагубное направленіе»¹⁾.

Сильно заинтересованный «соціальнымъ вопросомъ», В. Майковъ выработалъ свой собственный планъ общественной реформы. Сущность его сводится къ участію рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Онъ называетъ такое участіе дольщиной и заявляетъ, что неправильно было бы считать предлагаемую имъ реформу чѣмъ-то среднимъ «между Смитомъ и новѣйшими социалистами». По его справедливому замѣчанію, «скорѣе можно назвать ее продолженіемъ Смита»,²⁾ т. е. буржуазно-экономической теоріи. Этимъ достаточно характеризуются его общественные взгляды.

Если вѣрно то, что,—какъ говоритъ И. С. Тургеневъ,—Бѣлинскій добровольно уступалъ мѣсто В. Майкову, видя въ немъ знатока политической экономіи, то это объясняется единственно великою скромностью Бѣлинскаго. Но мнѣ сдается, что здѣсь память изменила И. С. Тургеневу, плохо разбиравшемуся въ социальномъ вопросѣ. Я не говорю, что Бѣлинскій долженъ былъ сомнѣваться въ политико-экономическихъ знаніяхъ В. Майкова. Этотъ, послѣдній, не лишенъ былъ такихъ знаній. Вѣроятно, онъ прочелъ больше политико-экономическихъ сочиненій, чѣмъ Бѣлинскій. Но, во первыхъ, и его политико-экономическія свѣдѣнія были не очень обширны, и во вторыхъ, главное дѣло было тогда не въ обширности свѣдѣній, а въ томъ методѣ, съ помощью котораго они усваивались. На очереди стояло не рѣшеніе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ экономическихъ вопросовъ, а выработка общаго взгляда на положеніе и возможную роль пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ. И тутъ Бѣлинскій былъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ В. Майковъ. Стало быть, у него не было никакого серьезнаго основанія для того, чтобы уступать дорогу своему молодому «критику». Скажу больше. Выяснивъ себѣ взгляды В. Майкова,—а онъ скоро и легко разобрался въ чужихъ взглядахъ: иногда ему достаточно было одного намека,—Бѣлинскій долженъ былъ почувствовать непреодолимое желаніе вступить въ борьбу съ ними.

¹⁾ Соч., т. II, стр. 84.

²⁾ Тамъ-же, стр. 83.

Выше я сказалъ, что у В. Майкова были совсѣмъ другія привычки мысли, нежели у Бѣлинскаго. Я надѣюсь, что теперь читатель не откажется признать мое мнѣніе на этотъ счетъ справедливымъ. Бѣлинскій самъ говорилъ о себѣ: «я всегда въ крайностяхъ», а Герценъ называлъ его фанатикомъ, «человѣкомъ экстреме». Напротивъ, Майковъ, какъ видно, совсѣмъ не былъ склоненъ къ «фанатизму»; онъ боялся крайностей и старательно избѣгалъ ихъ. Это хорошо подмѣтилъ въ немъ г. Арсеньевъ, который считалъ очень важнымъ изученіе дѣятельности Майкова, между прочимъ, потому, что тотъ «не отдался всецѣло служенію одной крайней идеѣ»¹⁾. Г. Арсеньевъ давалъ своимъ современникамъ что-то въ родѣ совѣта подвинуться назадъ къ Майкову, на подобіе того, какъ «критики» Маркса рекомендовали впослѣдствіи попятиться «назадъ къ Лассалю», «назадъ къ Прудону» и т. п.

Фихте прекрасно сказалъ: каковъ человѣкъ, такова и его философія. Склонный къ «крайности» Бѣлинскій съ жаромъ ухватился за философію Гегеля, которая, безъ всякаго сомнѣнія, была наилучшей школой смѣлой, послѣдовательной мысли. Въ другомъ мѣстѣ я подробно объяснилъ огромное теоретическое значеніе его перехода на точку зрѣнія гегелевой философіи²⁾. Теперь скажу кратко, что, когда Бѣлинскій открылъ противорѣчіе между «абсолютными» претензіями гегелевой философіи и ея діалектическимъ методомъ, онъ перешелъ на сторону діалектики, которая помогла ему выработать себѣ правильный взглядъ на извѣстныя стороны западно-европейскаго общественнаго развитія. Онъ вполне правильно примѣнилъ къ философіи западно-европейской исторіи то положеніе Гегеля, что «противорѣчіе ведетъ впередъ»³⁾. Правда, вѣрно примѣняя это положеніе къ оцѣнкѣ общаго хода исторіи Западной Европы, онъ далеко не всегда умѣлъ пользоваться имъ при оцѣнкѣ современныхъ ему явленій общественной жизни: здѣсь просвѣтитель часто бралъ въ немъ верхъ надъ діалектикомъ. Иначе и не могло быть въ тогдашней Россіи. Но это нисколько не устраняло сочувствія его къ тѣмъ выраженіямъ тогдашняго общественнаго «противорѣчія», т. е. къ тѣмъ проявленіямъ классовой борьбы въ западно-европейскомъ обществѣ,—соціологическое значеніе которыхъ оставалось для него неяснымъ, когда въ немъ умолкалъ діалектикъ и заговаривалъ просвѣтитель. Его не могли смутить «грозныя требованія», скажемъ, французскаго пролетаріата. Каждому изъ такихъ требованій обеспечено было его сочувствіе. Когда онъ перешелъ потомъ отъ Гегеля къ Фейербаху, онъ нисколько не измѣнилъ своей революціонной природѣ потому, что философія Фейербаха была самымъ стройнымъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ передовыхъ, «отрицательныхъ», стремленій своей эпохи.

1) „Вѣстн. Евр.“ 1886 г., апрѣль, стр. 823.

2) См. мою статью „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“ въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“.

3) Объ этомъ см. въ моей статьѣ о Бѣлинскомъ, напечатанной въ майской и іюньской книжкахъ „Совр. Міра“ за 1910 г.

Чернышевскій и Добролюбовъ увлекались Бѣлинскимъ именно потому, что ихъ собственная мысль работала въ томъ-же самомъ направленіи, хотя надо прибавить, что въ ихъ время философія Фейербаха уже не выражала самыхъ передовыхъ стремленій: такія стремленія выразились въ теоріи Маркса—Энгельса, оставшейся неизвѣстной нашимъ великимъ просвѣтителямъ 60-хъ г.г. Но какъ бы тамъ ни было, а философія Фейербаха, явившаяся послѣднимъ этапомъ исторіи умственнаго развитія Бѣлинскаго, составила философскую основу міросозерцанія Чернышевскаго и Добролюбова. Это обстоятельство связывало ихъ тѣснѣйшей духовной связью съ «критикой гоголевскаго періода русской литературы». Но съ В. Майковъ у Бѣлинскаго такой связи не было.

XII.

В. Майковъ много читалъ, между прочимъ, по философіи. Великіе нѣмецкіе идеалисты Фихте, Шеллингъ и Гегель были ему знакомы,—правда, лишь въ очень общихъ чертахъ,—но,—и это весьма замѣчательно—онъ плохо выяснилъ себѣ діалектическую сторону нѣмецкаго идеализма. Его отзывы о Гегелѣ противорѣчатъ одинъ другому. Онъ признаетъ въ немъ великаго генія, особенно за его философію исторіи. Но тутъ на него произвела, если я не ошибаюсь, наиболѣе сильное впечатлѣніе глава: «Географическая подкладка всемірной исторіи». Очевидно, именно эта глава подсказала ему его догадки о происхожденіи особенностей русскаго народнаго духа въ зависимости отъ особенностей занятой русскимъ племенемъ географической территоріи¹⁾. Геніальная мысль Гегеля о тождествѣ разумнаго и дѣйствительнаго была плохо переварена имъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Гегель, кажется, имѣлъ искреннее желаніе соединить науку съ жизнью: это желаніе ясно выражается въ ученіи его о тождествѣ разумнаго и дѣйствительнаго»²⁾. А въ другомъ мѣстѣ мы у него же читаемъ: «Ученіе о тождествѣ разумнаго съ дѣйствительнымъ, ученіе, составляющее вѣнецъ мудрости, отрѣшенной отъ жизни, вызываетъ въ насъ противодѣйствіе»³⁾. Одно исключаетъ другое. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что, вѣдь, и Бѣлинскій не совсѣмъ правильно понималъ ученіе о тождествѣ разумнаго и дѣйствительнаго. Отвѣчаю: ошибка ошибокъ рознь. Даже не вполне правильно понимая указанное ученіе, Бѣлинскій чутьемъ геніальнаго человѣка почувствовалъ его колоссальную важность для рѣшенія вопроса о томъ, какъ относится субъективное стремленіе людей къ объективному ходу развитія общественныхъ

1) См. вторую статью Майкова о Кольцовѣ Г. Александровскій, со своей стороны ему проникательностью, замѣчаетъ: „Въ объясненіи этихъ особенностей дѣйствіемъ климатическихъ условий, почвы и т. д. Майковъ до извѣстной степени предупреждаетъ идеи Бокля, высказанныя имъ въ „Исторіи цивилизаціи Англіи“ (цит. соч., стр. XXVI).

2) Соч., т. II, стр. 17.

3) Тамъ же, стр. 45.

отношеній,—другими словами: какъ относится общественное сознание къ общественному бытію. У В. Майкова нѣтъ ровно ничего похожаго на эту гениальную догадку. Что касается Фейербаха, то онъ какъ видно, остался совершенно неизвѣстнымъ В. Майкову. Ясно что его философская мысль шла въ другомъ направленіи. Трудно сказать куда именно пришла она. Нѣкоторые говорятъ объ его симпатіи къ «французской философіи», въ особенности къ позитивизму О. Конта. На нее указываетъ и г. Александровскій. Но я замѣчу, что мнѣ плохо вѣрится въ симпатію Майкова къ философіи О. Конта; я нахожу у него такія строки: «Положительная философія Конта есть ни что иное, какъ трупоразвѣтіе жизни, доступной познанію, бездушное разложеніе частей безъ уразумѣнія ихъ взаимныхъ отношеній»¹⁾. Спѣшу поставить читателю на видъ, что строки эти взяты мною изъ одной неоконченной статьи В. Майкова. Возможно, что если бы эта статья была окончена,—а главное—окончательно отдѣлана, то авторъ ея съ большею мягкостью отозвался бы объ Ог. Контѣ. Но уже тотъ фактъ, что подобный отзывъ объ основателѣ французскаго позитивизма встрѣчается хотя бы въ неоконченной статьѣ В. Майкова, показываетъ, что его «симпатія» къ позитивизму была, по меньшей мѣрѣ, очень ограничена. Нельзя исключить и то предположеніе, что онъ не больше былъ позитивистомъ, чѣмъ послѣдователемъ Маркса.

Всего вѣрнѣе, что В. Майковъ умеръ, не успѣвъ выйти изъ своего періода философскихъ исканій. Значитъ, намъ только и остается здѣсь, что опредѣлять общее направленіе, въ которомъ совершались эти исканія. Но за то мы можемъ съ полной увѣренностью повторить: направленіе это рѣзко разошлось съ тѣмъ, по которому шла сначала мысль Бѣлинскаго, потомъ Чернышевскаго и Добролюбова и, наконецъ, русскихъ марксистовъ.

Смыслъ его философскихъ исканій можетъ быть кратко охарактеризованъ словами: примиреніе анализа съ синтезомъ²⁾. Это довольно неясно. Но до большей ясности В. Майковъ и не доходилъ. Къ тому же въ этомъ, на первый взглядъ, довольно непонятномъ стремленіи примирить анализъ съ синтезомъ, нетрудно обнаружить, при нѣкоторомъ вниманіи, общую склонность нашего автора къ примиренію крайностей. Каковъ человѣкъ, такова и его философія. Бѣлинскій, въ послѣдніе годы своей жизни, съ упоеніемъ читалъ Вольтера и негодовалъ на Луи Блана, не сумѣвшаго оцѣнить великаго французскаго просвѣтителя. А. В. Майковъ писалъ: «Скептический анализъ XVIII столѣтія имѣлъ цѣлью окончательное низверженіе католицизма и феодализма; то былъ послѣдній бой новыхъ идей съ идеями и учрежденіями среднихъ вѣковъ. Этотъ анализъ разрушалъ для того, чтобы разрушить»³⁾. Въ этомъ приговорѣ не замѣтно со-

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 88.

²⁾ Соч., т. II, стр. 6.

³⁾ Тамъ же, стр. 5.

чувственнаго увлеченія. Еще разъ: В. Майковъ не любилъ крайностей¹⁾. Наконецъ, тотъ фактъ, что В. Майковъ очень неудачно критиковалъ эстетическое ученіе Бѣлинскаго, показываетъ, что онъ плохо оцѣнилъ основу этого ученія: эстетику Гегеля.

Когда сошли со сцены Добролюбовъ и Чернышевскій, передовая русская общественная мысль покинула на довольно продолжительное время, и съ огромнымъ вредомъ для себя, тотъ путь, который велъ отъ Гегеля къ Марксу. Это была эпоха значительнаго пониженія ея уровня. Но именно потому, что ея уровень понизился, очень уменьшилось разстояніе, отдѣлявшее взгляды В. Майкова отъ взглядовъ людей, считавшихся наиболѣе передовыми. Въ эпоху, о которой я говорю, охотно занимались различными «формулами прогресса». У В. Майкова можно найти нѣсколько формулъ довольно близкихъ къ формулѣ прогресса Михайловскаго²⁾. Вотъ одна изъ нихъ: «жизненность, то-есть, гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ потребностей и соответствующихъ имъ способностей»³⁾. Я удивляюсь, какъ на эту формулу прогресса В. Майкова до сихъ поръ не обратилъ вниманія нашъ глубокомысленный индивидуалистъ г. Ивановъ-Разумникъ. Но это мимоходомъ.

Сближеніе взглядовъ В. Майкова со взглядами передовыхъ людей разсматриваемой эпохи дѣлаетъ понятнымъ почему А. М. Скабичевскій не замѣтилъ безнадежной слабости критическаго выступления Майкова противъ Бѣлинскаго. А. М. Скабичевскій самъ былъ однимъ изъ представителей эпохи, послѣдовавшей за удаленіемъ съ литературной сцены Добролюбова и Чернышевскаго, и характеризующейся пониженіемъ уровня передовой общественной мысли.

Послѣ всего сказаннаго мною, я не вижу никакой надобности разбирать споръ Майкова съ Бѣлинскимъ о народности и космополитизмѣ. Споръ этотъ есть частность, дающая мало новыхъ чертъ для характеристики спорившихъ сторонъ. Замѣчу одно. Въ этомъ спорѣ, какъ и вездѣ, мысль В. Майкова показываетъ себя гораздо болѣе отвлеченной и, потому гораздо менѣе состоятельной, нежели мысль Бѣлинскаго.

Майковъ писалъ: «Винючники великихъ общественныхъ переворотовъ всѣ безъ исключенія были и должны быть одарены великою свободою личности и ополчены на подвиги вопіющимъ противорѣчіемъ своихъ свойствъ съ свойствами окружающихъ ихъ явленій общественности и природы: иначе эти явленія увлекали бы ихъ въ свой круговоротъ, и порядокъ вещей оставался бы неиз-

¹⁾ Чрезвычайно характерно, что и въ книгѣ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, такъ страшно возмущившей Бѣлинскаго и вызвавшей его знаменитое письмо къ Гоголю, В. Майковъ нашелъ на ряду съ существенными недостатками „мысли чрезвычайно свѣтлыя, высказанныя необыкновенно сильнымъ и живописнымъ языкомъ“. (Соч., т. II, стр. 156). В. Майковъ не любилъ крайнихъ сужденій!!

²⁾ Правда, онѣ не называются формулами прогресса, но это лишь терминологическая разница.

³⁾ Соч., т. I, стр. 56.

мѣннымъ. Величайшій переворотъ въ жизни человѣчества произведенъ былъ самимъ Богомъ въ образѣ человѣка. Христось, со стороны своего человѣческаго существа, являетъ собою совершеннѣйшій образецъ того, что называемъ мы величіемъ личности: истинное Его ученіе находится въ такой радикальной противоположности съ идеями древняго міра, заключаетъ въ себѣ такую непримѣрную независимость отъ явленій роковыхъ, отъ миллионовъ существъ, называемыхъ свободно-разумными, однимъ словомъ—до такой степени возвышается надъ законами историческихъ явленій, что человѣчество до сихъ поръ, въ продолженіе восемнадцати вѣковъ, не могло еще дорости и до половины той независимости взгляда, безъ которой невозможно уразумѣніе и осуществленіе его»¹⁾.

Бѣлинскій возражалъ: «Что касается до великихъ людей,—они по преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда націоналенъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ... Источникъ всего новаго есть старое; по крайней мѣрѣ, старымъ готовится новое. Въ гении не столько поражаетъ находчивость новаго, сколько смѣлость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть... Что въ народѣ безсознательно живетъ какъ возможность, то въ гении является, какъ осуществленіе, какъ дѣйствительность. Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она»²⁾.

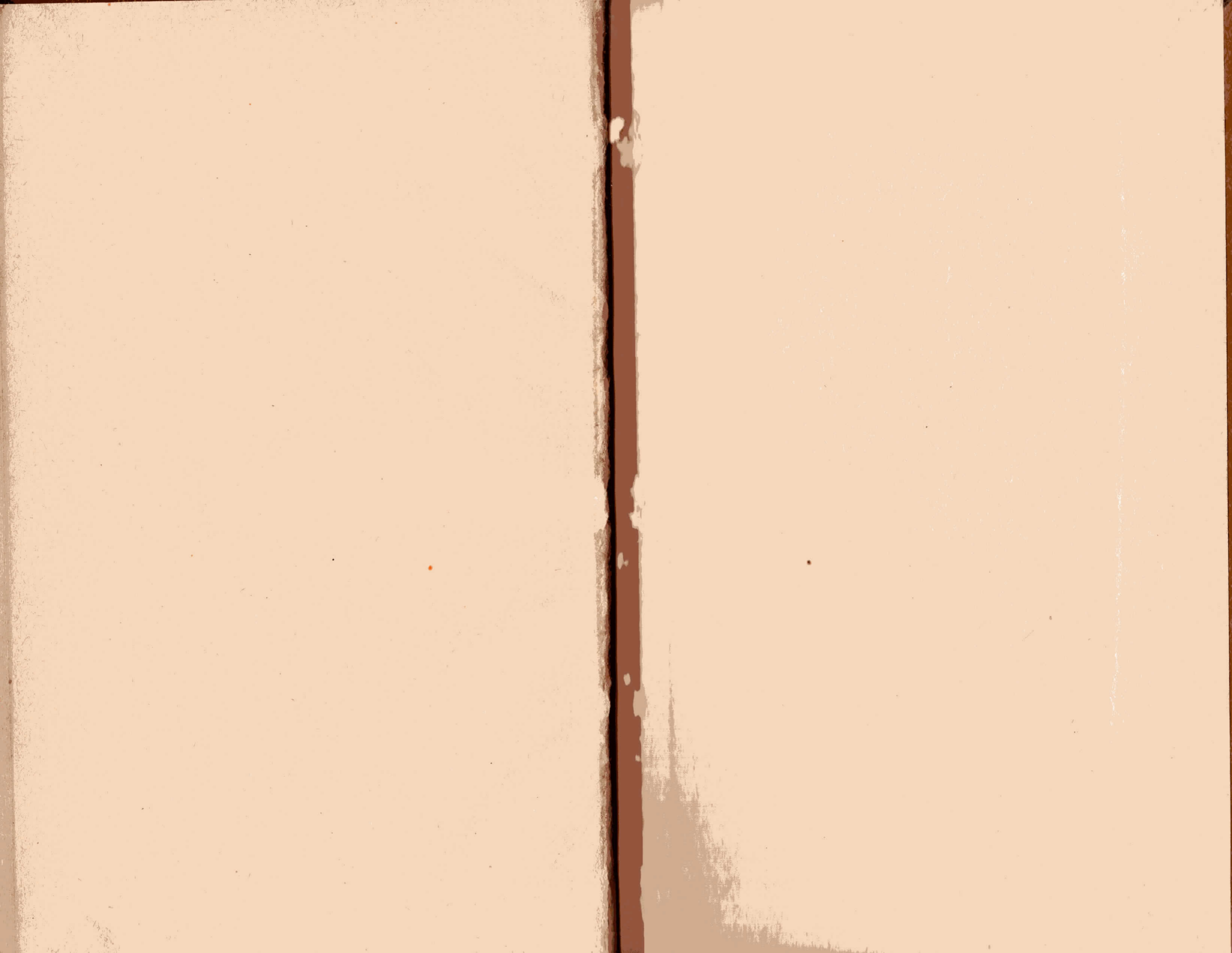
Бѣлинскій разсуждаетъ несравненно конкретнѣе, нежели Майковъ. Но подробное изложеніе спора потребовало бы предварительной характеристики взгляда славянофиловъ на спорный предметъ, а это совсѣмъ выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи.

Г. Плехановъ.

34

1) Т. I, стр. 58—59.

2) Соч. В. Бѣлинскаго, ч. XI, стр. 45 и 46.

П.9243